

«Я была околдована с первой строчки. Великолепная,
чувственная книга, наполненная романтикой и мифологией».

Сара Маас, автор бестселлеров New York Times

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ЗВЁЗДНАЯ КОРОЛЕВА

РОШАНИ ЧОКШИ

Рошани Чокши
Звездная королева
Серия «Young Adult. Фэнтези.
Избранная звездами»
Серия «Звездная королева», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006195

*Р. Чокши. Звездная королева: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;
2019*

ISBN 978-5-04-100174-2

Аннотация

Майя проклята звездами. Гороскоп предрекает ей, что тот, кого она полюбит, свяжет девушку со смертью и разрушением. Но и без того жизнь Майи нельзя назвать похожей на сказку. Она – дочь раджи, обреченная жить в золотой клетке гарема и терпеть насмешки многочисленных обитательниц дворца. Когда в день выбора женихов Майя подносит к губам яд, ее спасает таинственный незнакомец. Отправившись с ним, девушка попадает в мир, о котором даже не могла грезить. Ночной базар, где небо расколото надвое и где торгуют желаниями. Дворец со стеклянным садом, деревом воспоминаний и потайными дверями. Гобелен, сотканный из лунного света и людских судеб.

Но кто на самом деле этот незнакомец, которому подвластна столь сильная магия? Майя чувствует, что попала в ловушку. Сможет ли смертная девушка, оказавшаяся в Иномирье, разгадать его секреты и найти собственную судьбу, потерявшуюся во множестве реинкарнаций?

Содержание

Часть первая. Пропавшая принцесса	6
1. Не призрак	6
2. Уроки молчания	15
3. Любимые дочери	29
4. Незваная гостья	39
5. Дарованная свобода	55
6. Свадьба	60
7. Ночной базар	77
8. Дворец между мирами	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Рошани Чокши

Звездная королева

Roshani Chokshi

The Star-touched Queen

© Roshani Chokshi, 2016

© Эбауэр К. А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Моей семье: первым, кто выслушает, и
последним, кто станет отговаривать*

Часть первая.

Пропавшая принцесса

1. Не призрак

Глядя в небо над Бхаратой, я словно обменивалась с ним секретами. Познавала потаенное, личное, будто проникала за завесу ста миров. Стоило поднять глаза, и на миг я могла представить все, что небеса скрывали от прочих. Видела, как ветра распахивают серебристые рты в зевке и засыпают, свернувшись клубком. Видела луну, что изгибается улыбкой-полумесяцем. Поднимая глаза, я познавала жизнь, столь же необъятную, как само небо. Столь же бесконечную. И столь же неизведанную.

Но сегодня было не до витания в облаках. Долг приковал мой взор к погребальному костру, что медленно продвигался к гарему. Я подавила рвущийся наружу кашель. От закопченных курильниц тянулся дым, наполняя мои легкие густым приторным запахом горящих бархатцев. Подле костра рвали на себе волосы плакальщицы, подвывая и размазывая по лицам пепел. Я бы прониклась представлением, но их выдавали скучающие взгляды. Явно наемницы. Истинной скорби при дворе моего отца не было места.

От погребальной процессии гарем отделяла ширма из слоновой кости, но я все же мельком увидела раджу ¹ через решетку. В белом шервани, на шее ожерелье с нанизанными родовыми камнями его детей. У самого горла в водянистом утреннем свете блеснули и мои камни – горстка тусклых сапфиров. Отец склонил голову к уху бледного придворного и заговорил вполголоса. Отнюдь не о мертвой жене на костре. Он, верно, даже имени ее не знал. Ее звали Падмавати. У нее было круглое лицо, и каждое утро она напевала, с затаенной улыбкой поглаживая свой растущий живот. Я ни разу не слышала от нее дурного слова. Ни о ком. Даже обо мне.

Нет, отец обсуждал войну. Ее тень нависала над нами испокон веков, порой незаметная, но незыблемая. Я мало что знала о войне, однако всюду видела ее след. На болезненно-желтоватом лице отца. В горестно опущенных бровях придворных. В опустевшей казне и под навесами, где ждились сожжения некогда полные сил солдаты.

Я наклонилась ближе, пытаюсь разобрать слова раджи, но меня тут же отдернули назад.

– Убирайся, – прошипела матушка Дхина. – Негоже тебе стоять впереди.

Я стиснула зубы, но отступила, не проронив ни звука. Не стоило давать женам лишний повод для злости. Хотя они и прикрывали губы шелком, слова их были остры, как обнаженные кинжалы. Никто не поверил придворному лекарю,

---

¹ Титул индийского монарха.

объявившему, что Падмавати умерла родами. В их глазах существовал лишь один убийца...

Я.

* * *

В призраков в Бхарате тоже не верили, ведь мертвые не задерживаются на земле и мгновенно перерождаются. Освободившись, душа воплощается заново: тигром ли с великолепными полосками, ясноглазой гопи ² или раджой в усыпанном драгоценностями одеянии. Я так и не решила, считать ли реинкарнацию способом устрашения или посланием надежды. *«Следи за своими деяниями, чтобы не вернуться тараканом. Раздавай милостыню бедным, и в следующей жизни станешь богатым»*. Из-за этого все добрые поступки вызвали сомнения.

И все же приятно было сознавать, что в моем краю нет призраков. Значит, и я жива. Да, для всех вокруг я равно что мертвая, но хоть не призрак. Не спектральный отпечаток того, что существовало, умерло и не смогло покинуть наш мир. Это давало мне шанс на жизнь.

Когда погребальная процессия завершила свой путь, солнце едва озаряло небосвод. Скорбящие разбрелись сразу после королевской речи, и теперь на похоронах Падмавати

---

² Девочка-пастушка. В ряде традиций кришнаизма гопи почитаются как вечные спутницы и возлюбленные Кришны.

верховодило лишь пламя. Когда же по дворцу разнесся звон полуденного колокола, даже запахи – дыма и лепестков, соли и жасмина – исчезли, унесенные ветрами в далекое и безмолвное царство мертвых.

Передо мной сверкали залы гарема, пронзительные, точно глаза хищника. Свет цеплялся за изгибы статуэток и скользил по отражениям в неподвижных водах бассейнов. Вдалеке распахнулись огромные двойные двери, запуская внутрь мягкий полуденный зной. Я никогда не доверяла тишине гарема.

В тени за моей спиной скрывались жилые комнаты и личные покои жен и моих единокровных сестер. Няньки в королевской детской укладывали малышей спать. Наставники занудно вещали помолвленным принцессам о землях и предках их будущих мужей.

У меня тоже была назначена встреча. С очередным наставником. Бедолаги. Никто из них не задерживался надолго – по моему ли решению или по собственному, зависело от человека. Не то чтобы я не любила учиться, просто от них не могла узнать того, чего на самом деле желала. Знания, к которым я стремилась, парили высоко над их головами. Буквально.

Снаружи, за толстыми стенами гарема, загрохотали гонги. В воздух с раздраженным криком взвились вырванные из сна попугаи. Знакомое шарканье остроконечных башмаков, перезвон золотых кисточек и нервные голоса слились в низ-

кий гул. Советники отца направлялись в тронный зал, дабы выслушать его волю.

С минуты на минуту он должен был объявить о своих планах борьбы с мятежными королевствами. Сердце екнуло. Отец никогда не начинал вовремя, зато сразу переходил к делу, не тратя ни секунды на пустую придворную болтовню. Значит, мне пора было спешить в тронный зал, а ведь еще предстояло встретиться с «наставником недели». Я молилась, чтобы он оказался простаком. А еще лучше – суеверным.

Отец как-то сказал, что истинный язык дипломатии сокрыт в паузах между словами. Мол, главное оружие политика – тишина.

Как выяснилось, тишина также оружие шпиона.

Я сняла все, что могло издать хоть малейший шум – золотые браслеты, длинные серьги, – и спрятала за вырезанной из камня фигуркой майны. Перемещение по гарему походило на погружение в таинство. Из ниш вдоль коридоров выглядывали статуи грустноглазых богов и богинь, что изгибали спины, будто пойманные в вихре танца. Свет, преломляясь в гранях хрустальных чаш, падал на стены яркими лучами цвета свежей крови, а зажженные дии³ обволакивали зеркала и залы дрожащей дымкой и ароматом лепестков. Я шла, касаясь острых краев. Мне нравилось ощущать под пальцами камень – его твердость напоминала мне о собственной

---

³ Свечи.

материальности.

Стоило свернуть за последний угол, как по коже побежали мурашки от резкого смеха гаремных жен, наполнившего коридор. Единственное, что мне в них нравилось, это постоянство в привычках. Вся моя жизнь строилась на однообразии их будней. Я, наверное, с точностью до удара сердца могла предсказать, когда они решат обменяться сплетнями.

Я уже почти прошмыгнула мимо, как вдруг замерла от звуков имени... моего имени. По крайней мере, именно оно мне послышалось. Я сомневалась, но двинуться дальше не могла, как бы ни хотела убраться подальше отсюда.

Затаив дыхание, я шагнула назад и приникла ухом к занавеске.

– Жаль, – раздался голос, охрипший от многолетнего курения кальяна с ароматом роз.

Матушка Дхина. Она правила гаремом железной рукой. Может, она и не подарила радже сыновей, но обладала несомненным достоинством: живучестью. Она перенесла семь беременностей, двух мертворожденных малышей и потливую горячку, что за последние три года унесла жизни восьми жен. Слово матушки Дхины было законом.

– Чего жаль?

Жеманный голос. Матушка Шастри. Вторая по главенству. Из молодых жен, но недавно родила близнецов. Она была гораздо коварнее матушки Дхины, но ей недостает амбиций, что свойственны истинному злу.

– Жаль, что Адвिति ушла не так, как Падмавати.

Я стиснула кулаки, впиваясь в ладони ногтями. Адвिति. Я пробыла с ней не так долго, чтобы успеть назвать матерью. И не знала о ней ничего, кроме имени и смутных слухов, будто она не ладила с другими женами. Особенно с матушкой Дхиной. Когда-то они были соперницами. И даже смерть не даровала ей прощения матушки Дхины. В остальном Адвिति оставалась туманным образом в моей голове. Порой, не в силах уснуть ночами, я пыталась наполнить его красками, но ничего не могла вспомнить – ни длины ее волос, ни аромата ее кожи. Адвिति была загадкой, и от нее мне досталось лишь имя и ожерелье. Я инстинктивно потянулась к ее последнему дару: круглому сапфиру на жемчужной нити.

– Обычно, если женщина умирает в родах, то и ребенок тоже, – прохрипела матушка Дхина, и я почти ощутила запах дыма, клубящегося меж ее зубами.

Матушка Шастри порицающе цокнула:

– Нехорошо так говорить, сестра.

– И почему же? – звонко спросила еще одна жена. Я не узнала голос, должно быть, новенькая. – Ребенку положено жить дольше матери. Жаль, что сын Падмавати умер вместе с нею. А кто такая Адвिति?..

– Уже никто, – рыкнула матушка Дхина, и юная жена осеклась. – Она была лишь куртизанкой, попавшейся на глаза радже. Майявати ее дочь.

– Та? С гороскопом?

И еще один голос присоединился к беседе:

– А правда, что она убила Падмавати?

Да, бхаратцы не верили в призраков, но гороскопы – совсем другое дело. Целые жизни в королевстве строились вокруг выпавшей каждому астральной оси. Похоже, только отец не относился к гороскопам серьезно. Он считал судьбу чем-то податливым, что можно изменить, повернуть в любую сторону и истолковать в нужном ключе. Но придворные оставались при своем мнении. Какая бы магия ни помогала читать послания в звездах, мой небесный прогноз был мрачен и тернист, о чем жены раджи не позволяли мне забыть. Из-за них я возненавидела звезды и проклинала ночное небо.

– Вполне может быть, – пренебрежительно бросила матушка Дхина. – Дурная судьба сеет вокруг несчастья.

– Так это правда?

Сколько раз я задавала себе тот же вопрос? Я пыталась убедить себя, что все это лишь пустая болтовня гаремных жен и череда неудачных совпадений, но порой... порой я сомневалась.

– Раджа должен избавиться от нее, – сказала матушка Шастри. – Пока ее напасть не перекинулась на другого.

– Да как тут избавишься? – фыркнул кто-то. – Разве на ней кто женится с таким гороскопом? Она несет смерть, куда бы ни пошла.

Новая жена со звонким голосом взволнованно прошеп-

тала:

– Я слышала, будто ее тень ни на миг не замирает.

– Слуги говорят, – подхватила еще одна, – что ей кланяются змеи.

Я оттолкнулась от стены. Я знала все сплетни и не желала снова их слушать. Обидные слова будто ползли по моей коже, и я мечтала их стряхнуть, избавиться от оскорблений, насмешек, намеков. Но они вцепились намертво, проникая в меня густым дымом, вытесняя кровь из вен, пока я до краев не наполнилась ненавистью.

Вдали раздался второй удар гонга. Я ускорила шаг, туфли застучали по мрамору. Когда я бежала через сад, пронизанный солнечными лучами, что-то вдруг показалось мне жутко неправильным. Но я не понимала, что именно, пока свет не проник сквозь кроны фиговых деревьев, исполозовав меня точно тигра, пока на мощеную дорожку перед зданием архивов не упала тень листвы.

Моя тень.

Я ее не видела...

2. Уроки молчания

Структура архивов напоминала пчелиные соты, и утренний свет заливал ячейки, озаряя каждый том, рисунок, трактат и поэму нежным золотом топленого масла, словно только снятого с огня. Мне дозволялось приходить сюда лишь раз в неделю – для встречи с очередным наставником, которого я неизбежно отпугивала. Архивный зал я всякий раз покидала с охапкой пергаментных свитков. Мне нравилось стоять на пороге открытий и осознавать, что прежде я даже не представляла, как сильно чего-то хочу, пока случайно это не нашла.

На прошлой неделе я с головой увязла в сказках Бхараты. Историях о слонах, что разгоняли облака мощными потоками воздуха из древних хоботов, искривленных изморозью забытых циклонов, ураганов и гроз. Мифах о яснооких женщинах-нагах, чьи тела закручивались кольцами, а улыбки сверкали не хуже драгоценных камней. Легендах о мире, что раскинулся под, над и рядом со знакомым мне: деревья там плодоносили съедобными самоцветами, а на девушку с темной кожей и мрачным гороскопом никто бы и внимания не обратил. Я так хотела, чтобы все прочитанное оказалось правдой, что порой как наяву видела это Иномирье. Закрывая глаза и снимая обувь, я почти чувствовала, как стопы мои погружаются в мягкую землю чужого края, края грез,

где небо расколото надвое, а земля пронизана магией, исцеляющей сердца, сращивающей кости и меняющей жизни.

Расставаться с этим сном не хотелось, но приходилось довольствоваться магией, которую я могла сотворить сама. Я могла прочесть еще что-то. Узнать больше. Создать новые мечты. Но самое главное – не было нужды держать эти желания в себе. Всеми открытиями я делилась с Гаури – моей единокровной сестрой и единственной, кого я не могла... да и не хотела отпугнуть.

Как и всегда, при мысли о Гаури я улыбнулась. Однако улыбка тут же истаяла, едва я увидела своего наставника недели. Он стоял меж двумя колоннами, отмечающими секцию с трудами по истории королевства. Помимо немислимого множества знаний, что я могла почерпнуть в архивном зале, более всего мне нравился его подвесной потолок. Полный, достаточно широкий, чтобы туда втиснуться, и очень удачно связанный со святой святых моего отца.

Наставник, как назло, расположился точно под моим укрытием.

Ну хотя бы отец пока не начал речь. Придворные все еще перешептывались, и слух мой услаждали шаги опоздавших. Но чтобы не пропустить все самое важное, мне надо было поскорее избавиться от наставника.

– Пунктуальная женщина – редкая драгоценность, – произнес он.

Я вздрогнула. Голос был неприятный. Протяжные слова

словно скручивались в петлю, в которую можно ненароком угодить во мраке. Я отступила на шаг, и хищные глаза наставника вспыхнули.

Он был высоким, грузным. Мясистые щеки перетекали в плоский подбородок и толстую шею. Сальный взгляд черных глаз скользил по моему телу. Все мои прежние наставники походили один на другого: нездорово-бледные, слегка нервные. Всегда суеверные. Этот же спокойно удерживал мой взгляд. Неожиданно. Ни один из его предшественников и глаз-то моих не видел. Порой наставники бочком пересекали архивный зал и дрожащими руками протягивали мне свитки. «Летописи» – так они говорили. Почему все всегда начинали с уроков истории? Покажите мне неосуществленную мечту. Не показывайте то, чего уже не изменить.

Наставник откашлялся:

– Я не собираюсь учить вас истории, грамоте и речи. Я научу вас молчанию. Тишине.

Теперь я уже открыто хмурилась. Новенький мне не нравился. Обычно учителя быстро оставляли меня в покое. Мне не приходилось повышать голос. Сдвигать брови. Мне даже слова не требовались. Больше всего их пугала... простая улыбка. Стоило мне улыбнуться – не по-настоящему, разумеется, а медленно, словно крокодил, обнажить зубы и добавить безумного блеска в глаза, – как очередной наставник, бормоча оправдания, по стеночке уползал прочь из архива.

Кому понравится внимание девушки, что повелевает те-

нями, словно домашними питомцами, закликает змей и обручена с самой Смертью, которая вскоре явится за ней во дворец? И неважно, что все это ложь. Неважно, что самое магическое мое деяние – это незаметно улизнуть с полным подносом сладостей. Я отбрасывала тень, превосходящую меня саму. И порой это даже приносило пользу.

Однако нынешнего наставника оказалось не так легко запугать. Я напряженно вслушивалась в шаги придворных, но все уже стихло. Совещание должно было вот-вот начаться, а я застряла здесь с каким-то глупцом, вознамерившимся привить мне добродетель молчания.

Я ухмыльнулась...

...и он ухмыльнулся в ответ.

– Улыбаться незнакомцам неприлично, принцесса.

Наставник шагнул ко мне. Вокруг него сгустились тени, заглушив медовое сияние комнаты. Он пах неправильно. Будто позаимствовал запах у кого-то другого. Кожа его лоснилась от пота, и когда наставник приблизился, глаза его замерцали алым, словно тлеющие в глазницах угольки.

– Позвольте научить вас, прелестное создание... – Он шагнул еще ближе. – Люди вечно заблуждаются, не так ли? Думают, будто миска риса на пороге способна защитить дом от демона. Ошибка. Такие знания сулят вам силу, но это ложь. Позвольте показать вам слабость.

Зал еще никогда не казался таким пустынным, будто я застряла где-то между эхом и криком. Я не слышала ничего.

Ни попугаев, расхаживающих по веткам, ни придворного нотариуса, что бормочет себе под нос перечень дел на сегодня. Тишина обрела форму, стала почти осязаемой.

И голос наставника, путающий мои мысли, был уже не просто звуком.

– Позвольте показать вам дороги демонов и людей.

Колени мои подогнулись. Эхо подхватило его слова и разнесло по залу с отчаянием путника, веками изнывавшего от жажды и наконец узревшего стакан воды, запотевший и усеянный каплями размером с планеты. Голос наставника окутывал меня с ног до головы, убаюкивал. Я хотела отойти, но не могла сдвинуться с места. Сражаясь со сном, я подняла взгляд и увидела на стене его размытую тень: рогатую и мохнатую, она парила над полом и перекидывалась то в зверя, то обратно в человека. Дьявол. Ракшас ⁴.

В глубине души я понимала, что он не настоящий. Откуда бы ему тут взяться? При бхаратском дворе, в городе, похожем на костный нарост – внезапный и ненужный. Здесь обитали свои демоны: гаремные жены с драгоценностями в волосах и ненавистью в сердцах, придворные с лживыми устами, отец, который знал меня лишь как цветной камень на шее. Вот известные мне чудовища. И в моем мире не было места иным.

Сонливость как рукой сняло. Стоило стряхнуть дурман, как улыбка моя растворилась в горькой дымке, а по телу про-

---

⁴ Демоническое существо, хоть и не всегда злое.

неслась волна мурашек, пока не показалось, что вместо кожи у меня стекло. Наставник словно уменьшился. А может, я стала больше. Все вокруг отступило в тень, и остался лишь огонь, лижущий землю, кромка зимнего затмения, танцующие в лесном озере звезды и пульсирующий ритм чего-то древнего, бегущего по моим венам.

– Мне плевать на дороги людей и демонов, – прошипела я. – Ваши уроки мне не интересны.

Нарисованная моим воображением тьма рассеялась. Запели попугаи. Зажурчали фонтаны. Где-то вдалеке забубнил о войнах придворный. Звук прорвался сквозь потерянные секунды и расцвел неистовым шепотом и приглушенным гулом. Что же мне почудилось? Я поискала тень учителя, ожидая увидеть скользящий по стене причудливый силуэт и мрак, клубящийся над архивными талмудами и треснувшей мозаикой, но нет.

– Вы... – выдохнул наставник и, заскулив, забился в угол. – Это вы. Я думал... – Он проглотил остаток фразы и растерянно умолк.

Я моргнула, стряхивая последние капли дремоты. Голова кружилась, но не ото сна. Мгновение назад мне привиделась рогатая тень. Почудилось, как нечто – гулкая нота мелодии, грохочущий раскат грома, вспышка света среди грозowych туч – наполнило меня, защищая. Но это не могло быть правдой. Передо мной стоял обычный... человек. И если я и слышала, как он говорит нечто странное, если и видела, как превра-

щается в кого-то другого, то сейчас все это казалось таким далеким, что памяти моей только и оставалось перебирать образы, подносить их к солнцу да гадать, не настиг ли меня кошмар наяву.

Наставник дрожал, мало напоминая гиганта, что заслонял собою свет и читал мне лекции о молчании. Или же в те потерянные мгновения он говорил что-то еще? Что-то о слабости и демонах. Не в силах вспомнить, я так вцепилась в край стола, что костяшки побелели.

– Мне нужно идти, – промолвил учитель. Бледный, будто из него разом вытекла вся кровь. – Я не знал. Правда. Не знал. Я принял вас за другую.

Я уставилась на него удивленно. О чем он? Как можно было не знать, кто я? Его наверняка просветили, что я принцесса, которую ему предстоит сегодня обучать. Впрочем, все это пустое. Вот и еще одного наставника испугала моя слава, накликаемая далекими небесными светилами. Проклятие звезд.

– Идите, – велела я. – И сообщите двору, что сегодня вы провели полноценное занятие, но в силу обстоятельств более не сможете меня обучать. Все ясно?

Он кивнул, все еще удерживая руки перед собой, будто ждал, что я в любой момент нанесу удар. Затем поклонился и попятился. Под аркой дверного проема наставник замер – сокрытый тенью, вместо лица невнятная чернильная клякса, – еще раз поклонился и, не успев моргнуть, исчез. Бес-

следно. Не осталось даже холодка, что обычно проникает в комнату, когда ее покидает человек.

Я помяла пальцами лоб, стирая образы рогатых силуэтов и сверкающих глаз. Я не могла избавиться от ощущения, что на мгновение мир раскололся и частям этим не слиться воедино, как маслу и воде.

Но в следующую секунду ужасающая мысль вырвала меня из оцепенения.

Речь отца!

Сердце дрогнуло. Как много я пропустила? Я бросила еще один взгляд на сияющую арку, под которой исчез наставник. Возможно, он просто оказался суевернее прочих. В конце концов, сегодня состоялись похороны. «И ничего более. Ничего». Я вновь и вновь мысленно повторяла эти слова, словно перебирала обереги, пока не стерла из памяти образ двух миров, что сходились перед моими глазами в ослепительную призму.

По прислоненной к полкам лестнице я поднялась прямоком к полой крыше и стропилам над отцовским святилищем.

Грубое, шершавое дерево кололо ладони. Я крепче сжала перекладки и улыбнулась, когда под кожу скользнули занозы. «Я здесь. Я не призрак. Призраки заноз не сажают». Спокойно и уверенно я втиснулась в зазор между балками, оттолкнулась ногами и исчезла под потолком.

В первый раз, когда я забралась на стропила, сердце мое стучало так неистово, что я едва слышала, о чем там спорили

придворные, советники и отец. Женщин не пускали в святая святых внутреннего двора, и поимка повлекла бы за собой суровое наказание.

Но вскоре я наловчилась и теперь шныряла между перекладами точно ящерка. Поджав под себя ноги, я надежно устроилась на стропилах и затаилась. Не знаю, сколько часов я уже провела вот так, подслушивая из своего укромного уголка. Там, наверху, я могла притвориться безмолвной и мистической владычицей, что повелевает людьми внизу. Там я узнавала то, чему не в силах научить ни один наставник: как над каждым в комнате довлеет власть, как слова льнут к ногам сытой кошкой или мелькают шипящим раздвоенным языком, как легко захватить внимание публики. Там я почти понимала все жизни и истории, сокрытые в бесчисленных талмудах и свитках летописей в архиве. В святилище отец встречался с иностранными сановниками, здесь проводились военные советы, обсуждался урожай и принимались важнейшие решения. Оно было сердцем королевства, а на троне восседал мой отец. Согласно архивам, он правил с десяти лет. Если у него и были братья и сестры, в записях их имен не сохранилось.

Я прижалась к стене и приготовилась слушать. Самое начало я пропустила, но придворных оно явно потрясло. Даже из моего укрытия было видно, сколь бледны их лица, да и воздух словно накалился от напряжения.

В святилище хранились все напоминания о войне, буше-

вавшей не менее шести лет. Вдоль стен, словно железные черепа, выстроились помятые шлемы. Придворных они нервировали. Некоторые даже отказывались сидеть подле доспехов мертвецов, но отец настоял:

– Мы не должны забывать тех, кто служил нам верой и правдой.

Всякий раз, как я взбиралась на стропила, шлемы будто увеличивались и множились. Теперь они перекрывали стены от пола до потолка. И пусть они были отполированы и очищены от крови, само их присутствие наводняло комнату чем-то потусторонним. Солнечный свет, отражаясь от металла, застывал вокруг шлемов сияющим ореолом, и отец словно выступал перед призраками.

– Ваше сиятельство, мы не можем поддержать это решение. Должен быть иной способ закончить войну, – произнес Аджит – советник с детским лицом и залысинами, которые он прятал под огромным пагри ⁵.

Он стоял, сотрясаясь всем телом и прижав крошечные руки к животу, словно ему туда кинжал всадили по самую рукоять. Раджа бы мог – таким гневом озарилось его лицо.

– Нам пока хватает солдат, – продолжил Аджит, – и лекари уже набрались опыта. Мы даже можем победить, пожертвовав еще лишь парой сотен...

Я нахмурилась. Он что, не видел шлемы на стенах? Эти доспехи когда-то защищали людей. «Лишь пара сотен» для

---

⁵ Тюрбан.

королевства – это чьи-то возлюбленные, братья и сыновья. Как-то неправильно чтить мертвых бездействием.

– Еще как можете, и вы подчинитесь моему решению, – отчеканил раджа.

Он выглядел измученным заботами, и темные глаза запа-ли так, что казались бездонными провалами голого черепа.

– Но мятежные королевства...

– Мятежные королевства хотят того же, чего и мы, – резко перебил отец. – Хотят пищи в животах. Тепла в очагах. Хотят, чтобы дети их успевали дожить до наречения именем. Они сражаются с нами от отчаяния. Кто еще услышит их мольбы? Десятилетняя засуха? Неурожай? Потливая горячка?

– Но, ваше величество, они направляются к столице.

– Именно. Безумный шаг, а значит, им нечего терять. В этой войне проигрываем только мы. Мы не можем сражаться с окраин и должны привести их сюда. А теперь выполняйте приказ: устройте сваямвару ⁶.

«Свадьбу? – От его тона по коже продрал мороз. – Но все мои сестры на выданье уже обручены, и осталась только...»

– ...Едва мятежные королевства прослышат о гороскопе принцессы Майявати, они откажутся от свадьбы, – промолвил один из советников отца, Джаш.

Прежде он мне нравился. Говорил тихо и отличался от

---

⁶ Древний индийский обычай, когда девушка выбирает мужа из списка или из числа прибывших на смотрины женихов.

остальных придворных бóльшим свободомыслием. Но в тот миг я его возненавидела, возненавидела за слова, что сорвались с его губ и пригвоздили меня к месту.

Все, включая меня, полагали, что гороскоп отвратит от меня всякого, защитит от предложений. И семнадцать лет он меня не подводил. Но теперь желанное свободное будущее вне брака уплывало из моих рук, секунда – и нет его.

– Ваше величество, не хочу проявить неуважение, но гороскоп принцессы, как известно, предрекает довольно тревожное супружество, что свяжет ее со смертью и разрушением. Мы можем невольно оскорбить...

– Слухам в дипломатии места нет, – вскинул руку раджа. – У нас есть долг перед народом, и я не допущу, чтобы люди страдали из-за суеверий. Мы должны привести врага ко двору. Должны положить конец этой войне.

«Конец войне». Я понимала, что он прав. Смерть нависала даже над нами, укрытыми во дворце. Джаеш поклонился и сел. Они наверняка уже обсуждали меня между собой. Разложили всю мою жизнь на нити и мгновения, словно ленту, которую так просто разорвать. Чудо, что я не сверзилась со стропил. Я знала своего отца лучше, чем кого бы то ни было. Я наблюдала за ним годами. И за первым замыслом всегда таилось еще десять. Обычно я могла отыскать брешь в его словах, вскрыть их и увидеть, что там, под слоями дипломатии и сладкими речами. Но не сегодня. Голос его был монотонен. Почти до боли. Раджа говорил с непоколебимостью

скалы, с которой летело вниз мое сердце, чтобы разбиться.

– Сваямвара состоится через несколько дней, – продолжил он. – Лидеры мятежников будут встречены как дорогие гости и просители руки моей дочери. Составьте новый городок и скройте все следы прежнего. Сделайте его убедительным.

Меня пронзило дрожью от макушки до пальцев на ногах. Вдалеке эхом разносился звон колокольчика придворного писаря. Шаркали башмаки. Голоса, гулкие и твердые, сливались и отступали, пока в святилище не воцарилась тишина. Я подтянула колени к подбородку, прижалась спиной к стене. Замужество. Все свои знания о нем я почерпнула в гареме, где жены погрязли в мелочных дразгах и скуке, а утешение находили лишь в шелках и сплетнях.

Случалось, что в глазах обрученных сестер я ловила проблески надежды и любопытства. Может, они представляли, как покинут Бхарату и новый город примет их в нежные объятия, а супруг встретит каждую с предназначенной только для нее улыбкой. Но я слышала немало рассказов жен и знала, что ждет впереди. Другой гарем. Другой муж. Другие женщины, спрятанные за решеткой из слоновой кости, с вечной тенью прутьев золотой клетки на лицах.

Я посмотрела вниз на опустевшее святилище. Я воображала всякое будущее, но такое – никогда. Никогда не думала, что стану кем-то иным, кроме ученой старой девы, но именно этой судьбы я желала – желала жить среди свитков и каж-

дый день погружаться в крошечные вселенные, сотканные из написанных строк. И ни перед кем не отчитываться.

За моим удивлением крылась еще одна печаль. Пусть я никогда не мыслила о браке, но мечтала о любви. Не тайной, о какой шептались по углам и в покоях некоторых жен. Мне было нужно соединение душ, одно на двоих сердцебиение, что удержит ритм, даже раздели нас океаны и миры. Я не хотела союза, наспех вымощенного войной. Не хотела принца из сказки или какого-нибудь юнца с молочной кожей и медовыми глазами, что поклянется в любви, не успев перевести дыхание после знакомства. Я жаждала чувств, неподвластных времени; непостижимых, будто сама ночь, и в то же время понятных, как мое собственное тело. Я мечтала о невозможном, и тем проще было выбросить эти мысли из головы.

3. Любимые дочери

Не знаю как, но я смогла спуститься со стропил, по лестнице и покинуть соты архива. Мне было все равно, кто меня увидит и о чем спросит. Бхарата уже от меня отказалась. В доме собственного отца я стала лишь гостьей, коротающей время в ожидании, пока паланкин унесет ее в другую клетку.

Я была на полпути к гарему, когда за спиной послышался топот ног.

– Принцесса Майявати, раджа Бхараты, Рамчандра, просит вас немедленно явиться в сады.

Прежде чем обернуться, я прикрыла лицо вуалью. Почему каждый стражник всегда уточнял «раджа Бхараты, Рамчандра»? Будто я не знаю, как зовут моего отца. «А, этот раджа. Я-то думала, вы про какого-то другого правителя». Дураки.

– Сейчас?

Стражник моргнул. Он был молод и красив зыбкой, неприметной красотой. Даже вдруг захотелось спросить, не собирается ли он вписать свое имя рядом с именами своры волков, что явятся в Бхарату, дабы претендовать на мою руку в сваямваре. Должно быть, я неосознанно усмехнулась, потому как юный стражник вздрогнул, хоть и попытался это скрыть. Наверное, решил, что я наслала на него проклятье.

– Да, принцесса. Он ожидает вас в садах.

Что-то новенькое. Отец никогда никого не ждал.

– А если я откажусь?

Стражник отшатнулся:

– Я...

– Не волнуйся, это просто вопрос.

– То есть вы...

– То есть я пойду с тобой, – медленно протянула я. – Показывай дорогу.

Он развернулся на пятках и, секунду поколебавшись, зашагал обратно по тропинке. В груди заворочалось чувство вины. Стражник лишь выполнял свой долг. Он даже не оскорбил меня открыто ни словом, ни делом – иные гаремные жены, к примеру, плевали на мою тень.

Я хотела было извиниться, но передумала. Слова прозвучали, их не вернуть. Вокруг нас в ранних сумерках мерцал двор моего отца. Хотя солнце почти зашло, небо оставалось насыщенно-имбирно-желтым. Облака осыпались сверкающей киноварью, что исчезала где-то в сплетении древесных крон. Тут и там в серебряной глади озер плескались последние проблески света, и догорало под водой плоское пламя.

С первого взгляда казалось, будто вход в сады Бхараты отмечен лишь беспорядочно разросшимися розами. Но стоило присмотреться, как под лепестками расцветало кованое железо врат, что змеилось вверх, соединяя деревья – инжир и нийм, сладкий миндаль и кислый лайм – в живые перголы. По саду кружила стража. В этих алых одеждах они напоми-

нали свирепые деревья, готовые насадить солнце на копья, коли оно упадет.

– Одну минуту, принцесса, – выпалил стражник. – Полагая, его величество заканчивает обсуждение государственных вопросов с наследным принцем.

Я изогнула бровь за вуалью. Если отец и обсуждал что-нибудь с наследным принцем, то лишь перечень его сумасбродств. Не дожидаясь ответа, стражник неловко поклонился и ушел, а я, едва убедилась, что одна, устремила на строгий голос раджи к укромной рощице. Мой единокровный брат стоял посреди поляны, съезжившись в тени отца, понутив голову и теребя рукава.

– Как смеешь ты нас позорить? – громыхал раджа.

– Я не виноват, отец, этот селянин проявил непочтение...

– Он чихнул.

– Да, но ведь прямо на мой шервани.

В этом был весь братец Сканда – глупец. Где раджа выбирал мудрость, Сканда предпочитал богатство. Где раджа слушал, Сканда всматривался.

– Хочешь знать, в чем разница между нами и остальными? – спросил раджа.

– В чем?

– Ее нет.

– Но...

– Червям, что питаются нашим пеплом, нет дела до наших титулов и чинов. И подданные тебя не запомнят. Не запом-

нят оттенок твоих глаз, твой любимый цвет или красоту твоих жен. Они будут помнить лишь след, что ты оставишь в их сердцах. Наполнишь ты их радостью или горем. Вот твое бессмертие.

И с этими словами раджа покинул рощу. Я припустила прочь по дорожке, тяжело дыша и надеясь, что он меня не заметил. Солнце уже скрылось за дворцом, превратив все вокруг в розовое золото.

Издалека раджа, как всегда, выглядел безупречным, сияющим. Но стоило ему приблизиться, как я заметила новые детали. Усталые морщинки в уголках глаз, иной наклон плеч. Так не похоже на него, так неправильно. Я словно видела отца впервые, и то был сутулый пожилой человек, нацепивший тонкую шкуру величия. Встретившись с ним взглядом, я отвела глаза. Казалось, глядя на него такого, я вторгаюсь во что-то личное, чего не должна знать. Или, может, чего знать не хочу.

Я опустилась на колени, упершись кончиками пальцев в его ступни, как и положено, в знак почтения и уважения.

– Рад тебя видеть, дочь, – произнес раджа.

Я всегда узнавала отца по голосу, по словам. Стоило ему заговорить, и все предыдущие странности были забыты. Он не славился нежными, приятными интонациями. В его голосе гроыхали раскаты грома и звенела церемониальная торжественность, но эти привычные звуки затрагивали самые важные струны моей души. Убаюкивали, даруя ощущение

безопасности и покоя, и на миг я решила, будто сейчас отец скажет, что встреча с придворными была обманом, что он не собирается выдавать меня замуж за незнакомца, что я останусь здесь навсегда. Бхарата не была раем, но этот ад я хотя бы знала и предпочла бы его любой другой суровой стране.

Однако следующие слова раджи лишили меня всякой надежды.

— По традиции древних королей мы устроим для тебя сваямвару, — объявил он. — Ты получишь возможность сама выбрать мужа, Майявати.

Голос его разлетелся по округе. Ладони вдруг стали липкими от холодного пота, и от моего спокойствия не осталось и следа. Разум попытался скрыться от неизбежного, но зацепиться было не за что, а спрятаться — нигде.

Раджа смотрел на меня выжидающе.

— Да, отец, — выдавила я.

И поморщилась от собственного тона, который наверняка и от него не ускользнул. Я думала, отец начнет ругаться, но он лишь приподнял мой подбородок:

— Тебе одной я могу доверить такой выбор.

Я хотела вырваться из его хватки и спрятать внезапно заблестевшие глаза, но раджа держал крепко и смотрел понимающе. Наконец он разжал пальцы, опустил на мраморную скамейку под душистым лаймовым деревом и чуть сдвинулся, предлагая мне устроиться рядом, но я осталась стоять. Сесть — значило бы принять этот вынужденный брак. Я же

была против.

– Ты всегда сидела на стропилах над святилищем – с тех пор, как сумела впервые туда забраться, – произнес отец на одном выдохе.

Я вскинула голову. В голосе его не было осуждения, лишь задумчивость и... теплота. Я заглянула в его лицо, но не прочла в знакомых чертах ничего, кроме боли и груза прожитых лет.

– Откуда...

– Трудно не заметить, как из архивного зала каждую неделю сбегает учителя. – Теперь отец почти улыбался. – Но я даже не пытался тебе помешать, ибо хотел, чтобы ты знала, хотел, чтобы видела, сколь тяжело бремя власти. – Он замолчал и шумно вздохнул; плечи чуть поникли. – Возможно, я надеялся, что если приоткрою завесу, то ты простишь мне все, чего я вынужден тебя лишить.

Я смотрела на него пораженно. Никогда еще мы так долго не оставались наедине. До сего момента официально я встречалась с отцом лишь раз в год – в свой День возраста. Порой он даже вручал мне подарки. Не то чтобы мне одной... Мои единокровные сестры тоже получали маленькие приятности – гроздь драгоценностей и модные шелка, – но мне всегда доставалось нечто особенное. Благоухающие томики поэзии или трактаты по ведическому праву. Настоящие сокровища. Я надеялась, это потому, что раджа хочет избавить меня от удушающей судьбы моих помолвленных сестер, но в конце

концов я не стала исключением.

Он встал и положил руку мне на плечо – словно плитой свинцовой придавил.

– Даже любимая дочь все равно всего лишь дочь.

Я подавила желание отшатнуться. Из голоса отца исчезла теплота, сменившись монотонным холодом, знакомым мне куда лучше.

– У тебя всегда был мужской ум, Майявати. Если в следующей жизни удача дарует тебе другой пол, ты сможешь стать прекрасным правителем.

Дворцовая стража обступила раджу алым полукругом, и он ушел, не обронив больше ни слова. Несмотря на вечернее тепло, я задрожала. Его слова болезненно впивались в кожу. Каждая фраза – шип, от которого не увернуться.

Второй раз за сегодня я очутилась где-то, не понимая, как туда попала. Я шагнула в гарем, и меня захлестнул шквал звуков.

– Чего раджа хотел от тебя?

Я подавила стон. Чувство вины перед юным стражником испарилось без остатка – вот ведь язык без костей. Наверное, следовало напугать его еще сильнее.

Из тени вышла Парвати, моя единокровная сестра, угрожающе – насколько может угрожать некто столь красивый и утомительный – сверкая нефритово-зелеными глазами.

– Ты теперь станешь королевской девадаси⁷? – спросила

---

⁷ Девочка, посвященная божеству при рождении или по обету, живущая и слу-

она. – Все равно никто не верил, что ты выйдешь замуж.

Я едва не подавилась смехом. Я бы предпочла стать девадаси и всю жизнь провести при храме, чем раствориться в неизвестности.

– Правда, что раджа обличил тебя? – подала голос одна из жен, и я повернулась к ней.

Новенькая, по крайней мере, я ее раньше не видела. Тонкие губы, торчащие зубы – сомневаюсь, что отец польстился на ее красоту или воспыал чувствами. Вероятно, она, как и я, жена политически выгодная. Она уставилась на меня – сначала с любопытством, затем смущенно.

– Меня ждет свадьба, – сказала я всем.

Гарем наполнился визгливыми криками.

– С кем? – не поверила Джая. – С чудовищем, что подходит тебе по гороскопу?

– Уверена, что раджа не солгал, лишь бы пощадить твои чувства? – уточнила другая жена.

Вскинув подбородок, я уже хотела протиснуться мимо, как вдруг услышала тонкий детский голосок. В облаке каштановых кудрей ко мне подбежала Гаури и обняла меня за ноги. Я склонилась к ней, уткнувшись носом в сладкую макушку и крепко сжав худенькие плечи, словно единственный якорь, удерживающий меня в этом мире.

– Ты бросаешь меня? – спросила Гаури.

Я опустилась перед ней на колени и вгляделась в лицо, за-

помятая румянец на ее щеках и ямочки от улыбки. Я не могла ей солгать и хотела сказать, что у меня нет выбора и что придется Гаури найти кого-нибудь другого, кто будет рассказывать ей сказки на ночь и превращать кошмары в волшебные сны. Но прежде, чем я успела придумать достойное объяснение, на меня налетела одна из жен и оттолкнула прочь.

Я подняла голову и инстинктивно притянула сестренку ближе.

– Не травми девочку своим злосчастьем, – прошипела матушка Дхина, вырывая ее из моих объятий.

Гаури сопротивлялась, но тщетно. Я медленно поднялась с пола. Я хотела покоя, равновесия. И никогда бы не дала воли гневу и истерии на глазах Гаури. Наши с матушкой Дхиной взгляды встретились.

Кольцо женщин вокруг меня сужалось, кривым зеркалом отражая мое будущее – клетку с благодатной почвой для роста горечи и злобы. Я попятилась, попыталась их обойти, как будто могла избежать этой участи одной лишь силой воли. Голоса жен и сестер слились в невыносимый гомон, так что не получалось разобрать ни слова. Все говорили как одна.

– Куда бы ни пошла, ты сеешь только смерть. Забирай свою заразу подальше отсюда, – сплюнула матушка Дхина.

Мрамор подо мной был холоден и сух, но ноги скользили, будто его залили водой. В ушах зазвенело, и я ринулась прочь, а когда распахнула дверь своих покоев и осела на пол – тело от пяток до макушки дрожало от ярости.

Там, где прежде комната на закате светилась розовым, теперь стены полыхали алым пламенем, готовым меня поглотить. Бхарата мечтала избавиться от меня не меньше, чем я от нее, но не так же! Как будто я клочок земли, отданный соседям в обмен на иные блага. Это не свобода.

Вспомнилось лицо Гаури в тот миг, когда я опустилась перед ней на колени. Что я собиралась сказать? Что выбора нет и я должна уйти? Вероятно, то лишь наполовину правда. Я должна была уйти, но вот как уйти – зависело только от меня. Я устремила взгляд в бескрайнее небо, раскинувшееся за окном. Если выбора не дают, надо делать свой.

Я собиралась сбежать.

4. Незванная гостья

Над головой, призванные ночью, горели мои тюремщики – звезды, и луна переливалась тусклым серебром. На темном небе она казалась такой ровной и гладкой, будто можно сорвать и глядеться в нее как в зеркало. Вот уже несколько часов я неотрывно наблюдала из окна за стражниками, патрулирующими огромные стены, которые окружали все, что я видела, знала и трогала за свои семнадцать лет. Наконец я нашла место, оставленное без охраны – дыру в безопасности дворца. Надо было только добраться туда, а дальше... свобода.

Но пока я не сбежала, моего внимания требовали иные заботы. Я отвернулась от окна и обвела глазами покои. Это была самая маленькая комната в гареме, спрятанная в конце коридора, где больше никто не жил. Меня переселили сюда в десять лет. Матушка Шастри сказала, мол, это наказание за то, что рой пчел загнал моего единокровного брата Юдхистиру в бассейн с водой. Он дразнил меня в тот день и потоптался по рисунку, над которым я трудилась. Я лишь зыркнула на брата, мечтая, чтобы он ушел. Тогда-то и узнала, что порой мои желания странным образом сбываются. Долгие годы я уверяла себя, будто все это простое совпадение, зато теперь надеялась, что неведомая сила, спасшая меня от издевательств Юдхистиры, помешает и сваямваре. «Прекра-

ти, – отругала я себя мысленно. – Надежды и желания тут не помогут».

Меня окутала ледяная дымка решимости. Благодаря собраниям в святилище я знала планировку города и особенности его обитателей. Все получится, просто надо поторапливаться. Я открыла сундук с одеждой и начала отделять пестрые тряпки от практичных, неважные от необходимых. Я уже разобрала половину вещей, когда за дверью послышался голос. Прикрыв две кучки одежды ширмой, я вскочила на ноги.

– Диди ⁸ Майя?

Сердце сжалось. Гаури. Я никогда больше не увижу Гаури.

– Время для моей сказки!

Несмотря ни на что, я улыбнулась и открыла ей дверь. В темноте коридора малышка буквально светилась, и потребовались все силы, чтобы не стиснуть ее в объятиях и не зарыдать, уткнувшись ей в волосы. Завтрашний день занимал все мои мысли. Я почти ощущала его тяжесть на плечах.

– Сказка! – воскликнула Гаури притворно-умоляюще и стиснула мою руку.

– Какую хочешь?

То была наша традиция. Когда вечер оборачивался ночью, сестренка украдкой прибегала в мою комнату, и я читала ей истории – приукрашенные, замысловатые, гротескные.

Гаури забралась на кровать и закуталась в одеяло, а я усе-

---

⁸ Старшая сестра.

лась рядом.

– Расскажи о других мирах, – задумчиво протянула она. – Я буду там жить, когда вырасту.

– В каком именно?

Гаури нахмурилась:

– А их много?

Насколько я знала, был только один – полный коварных придворных, лживых жен и позолоченных зверинцев. Но говорить об этом Гаури я не собиралась, да и все фолианты и свитки, прочитанные мною в архивах, трубили о беспредельном множестве окружающих нас миров. О незримых демонических царствах асуров⁹, хохочущих в сиянии почерневших солнц. Или суровых королевствах на вершинах гор, где фениксы поют серенады луне, а залы богов озарены молниями. И о нашем собственном, мире людей, смертных, ищущих утешение в историях, чтобы не думать о холоде скорой гибели.

– Их тысячи, но основных – три. – Заметив, как Гаури нахмурилась, я пояснила: – Думай о них как о городах внутри королевства. Есть наш мир, в котором живешь ты, а потому он лучший.

Она усмехнулась.

– Еще есть Иномирье, с Ночным базаром, полное странных, но прекрасных существ. А еще, – я понизила голос до

---

⁹ В индуизме божества низкого ранга, иногда называются демонами, титанами, полубогами, антибогами, гигантами.

шепота, – есть Преисподняя, а там – Нарака, царство мертвых.

Гаури задрожала:

– Кто там живет?

– Демоны. – Я раскинула руки, будто летучая мышь.

Сестренка округлила глаза и прижалась ко мне теснее.

– Расскажи о Ночном базаре.

Я нервно смяла подол платья... как раз эту часть сказок я переиначила, но Гаури об этом знать не обязательно.

– Это рынок для жителей Иномирья – существ из наших историй, вроде апсар¹⁰, что танцуют на небесах, или гандхарвов, играющих небесную музыку. Или даже нагайн, желающих купить новые чешуйки для своих змеиных хвостов. Все они приходят туда.

Гаури сморщила носик:

– Они там платья покупают?

– Нечто совсем, совсем иное. Там продают кошмары и сны, сладкие как расмалай¹¹. Там можно купить бессонные ночи или обменять свое полное имя на желание. Это место, где демоны-наемники одалживают свою магию будто разноцветные ленты. Там продают воспоминания о прекрасных женщинах и тысячи зелий, способных исцелить как больной зуб, так и разбитое сердце.

– Правда? – едва слышным шепотом спросила Гаури.

---

¹⁰ Небесные нимфы – танцовщицы, духи воды и облаков.

¹¹ Индийский морожено-сливочный десерт.

Я пожала плечами:

– Возможно. Я рассказала, что знаю, и теперь пора спать.

Хватит сказок.

Я откатилась в сторону и притворилась спящей, но Гаури тут же ткнула меня в бок:

– Как я найду его, когда вырасту?

– Если б я знала, думаешь, уже не попыталась бы туда попасть? – засмеялась я. – Его трудно отыскать, Гаури.

– Я смогу! – подскочила она. – На прошлой неделе я нашла башмачки под статуей. Только не знаю, как они туда попали.

Я попыталась заглушить смех кашлем. Возможно, их спрятала я. Башмаки матушки Дхины с раздражающими кисточками. И что самое ужасное и оскорбительное – с колокольчиками.

– Ты рассказала кому-нибудь?

– Нет. Подумала, их там апсара оставила. Вдруг она захочет их вернуть и разозлится, если я их заберу.

– И ты решила, что раз нашла башмачки, то и в Иномирье поберешься?

Гаури удивленно моргнула, мол, разве это не очевидный вывод?

– Ну тогда я расскажу тебе, как туда попасть, – посмеиваясь, согласилась я.

Если честно, в сказках об этом не было ни слова, но Гаури смотрела на меня с такой надеждой, и я подумала: какой вред

в том, чтобы чуть подтолкнуть ее воображение?

– Отправляться туда нужно в ночь новолуния, когда существа наиболее слабы. Иномирье находится по другую сторону лунного луча и под сотней лепестков лотоса. Оно в том самом промежутке между сном и явью, когда у тебя уже слипаются глазки...

Гаури приглушенно зевнула и сонно посмотрела на дверь:

– Я обязательно туда попаду.

– Правда? – Я обняла ее одной рукой. – Тогда и меня с собой возьми.

– Возьму, диди.

Голос ее уже потяжелел от дремоты, но тело все еще было напряжено. Я знала, что Гаури пытается не заснуть, растягивая минуты, когда мы можем вот так полежать рядышком. Но мы обе понимали, что ей пора уходить.

– Мы еще увидимся? – тихо спросила сестренка.

– Да.

Она помолчала.

– В этой жизни?

Я повернулась к ней лицом:

– В каком смысле?

– Матушка Урваши говорит, что если я буду плохо себя вести в этой жизни, то в следующей вернусь козой. Значит, есть еще другая жизнь. – Не глядя на меня, Гаури сосредоточенно скручивала подол ночной рубашки. – Так мы увидимся снова, прежде чем я превращусь в козу?

– Ты слишком хорошая, чтобы стать козой.

– Ты не ответила, диди.

– Да, – пробормотала я ей в волосы. – Я просто не знаю.

– Но если мы сейчас сестры, то и потом снова будем сестрами, верно?

– Разумеется.

– И в прошлой жизни мы тоже были сестрами, да?

– Естественно.

– Как думаешь, кем мы были? – Гаури подняла на меня глаза. – Принцессами?

– Нет, конечно, это же скучно. Мы с тобой могли быть звездами. И не теми, что слепо описывают чью-то жизнь, а прекрасными созвездиями, парящими высоко-высоко над судьбой. – Я указала на открытое окно. – Мы могли бы стать чем-то волшебным. Говорящими медведями, что построят дворец на манговом дереве. Или близнецами-макарами ¹² с хвостами такими длинными, что ими можно дважды обхватить океан.

– Макары жуткие.

– Неправда.

– Они огромные! – Гаури широко развела руки. – И зубов у них куча.

Она зацепилась пальцами за уголки губ и растянула рот, обнажив несколько расшатанных молочных зубов.

---

¹² Макара – мифическое морское чудовище, «морской дракон» или «водяной монстр».

– Остры кыков, – сказала она, так и не отпустив руки.

– Что?

Гаури наконец оставила рот в покое.

– Куча острых клыков.

Я засмеялась:

– Ну, ты очень маленькая, с кучей зубов, и столь же свирепая и жуткая, как морской дракон.

– Драконом быть плохо.

– Почему? Чуть-чуть свирепости еще никому не повредило. Ты бы предпочла быть голубем или драконом?

– Матушка Дхина говорит...

– Я спрашиваю не матушку Дхину, а тебя.

Гаури глянула на меня из-под одеяла:

– Наверное, было бы неплохо уметь разводить огонь. Я бы не знала голода.

– Как всегда, сама практичность, – рассмеялась я.

Гаури плавно соскользнула с кровати. Я стиснула руки, чтобы не поддаваться искушению ее утешить. Я не могла с ней нянчиться. Не могла убаюкивать ее ложными обещаниями. Могла лишь молить, чтобы она запомнила все мои слова, все рассказанные мною сказки, и надеяться, что когда-нибудь эти истории станут для нее утешением.

– Где бы мы ни находились, небо над нами будет общим. И мы всегда сможем отыскать друг друга в одном созвездии.

Гаури шмыгнула носом:

– В каком?

– Самом прекрасном. – Я указала на сходящиеся под слабым углом звезды. Возможно, я ненавидела прочие, но не это одинокое скопление огней, словно отстранившееся от остальных. – Одинокая Звезда. Вот наше созвездие. Легенда гласит, будто его создал тот же небесный архитектор, что построил золотой город Ланку.

– Взаправду золотой? – уточнила Гаури. – Наверное, туда я тоже наведаюсь.

Я рассмеялась и обняла ее в последний раз. Так было лучше, лучше уйти, не прощаясь. Закрыв за ней дверь, я вернулась к кучам одежды – распускать края сари и прорезать прорехи в шелке. Мне ведь нужно было слиться с толпой, когда попаду в город.

В голову закрались сомнения. Выбраться из гарема – не проблема, а вот дальше... Я провела немало часов над святилищем отца, слушая и наблюдая. Но какие бы тайные надежды я ни питала все эти годы – стать значимой в глазах двора, править, говорить так, чтобы слушали, а не бормотать под нос, – теперь они лежали на дне моего сознания, измученные и растоптанные. Если я уйду, то всю жизнь проведу в бегах. Или, может, меня даже искать не будут. И то, и то – незавидная участь.

Внезапно крошечные дии, озарявшие мои покои, разом погасли. Казалось, даже луна укрылась за черной завесой, погрузив комнату в кромешный мрак. Я слепо шарила по полу, как вдруг замерла, заслышав скрежет.

Рядом кто-то был.

– Гаури? – позвала я.

Сердце пустилось вскачь. Я двинулась вдоль стены, и по полу вновь что-то царапнуло – будто лезвие. Задышавшись от паники, я вглядывалась во тьму, затопившую комнату. И вела руками по полкам, надеясь найти что-нибудь острое, но пальцы касались лишь отполированного дерева.

– Кто здесь? Покажись! – Я изо всех сил пыталась скрыть дрожь в голосе. – Не смотри на меня из тени, точно трус.

Из центра комнаты донесся леденящий хохот. Высокий. Женский. Я нахмурилась. «Одна из жен? Нет. Им негде взять оружие. А даже если удалось, как бы они научились с ним обращаться?»

– Разве так положено встречать меня после стольких лет? – произнес голос.

Сердце мое сжалось. Этот голос жил собственной жизнью и пробуждал некий скрытый опыт в глубинах моего разума. Легкий гул узнавания. Я невольно подалась на звук.

– Чего ты хочешь? Покажись, или я вызову стражу.

Женщина засмеялась, и у меня закололо ладони.

– Ну давай, попробуй.

И я попробовала. Но не смогла издать ни звука. Сколько ни напрягалась – воздух звенел тишиной. Тьма поглощала мои крики, и только бешеный стук моего сердца порой прорывался на поверхность.

– До сего дня я понятия не имела, куда ты отправилась.

Странно, как мужчины порой невольно приносят пользу, – прорычала женщина.

От ее голоса по спине поползли мурашки. Он бросался на меня словно с тысячи разных сторон. Я слышала его у самого уха, за спиной, в углу комнаты. Он поймал меня в ловушку. На расстоянии голос звучал искаженно, будто пересек века и миры, чтобы отразиться в моей голове. На миг мне даже показалось, что я знаю свою гостью, и от этой правды в душе все перевернулось. Но мимолетное узнавание сменилось паникой, когда по полу вновь заскрежетал клинок.

По ступням скользнул холодный воздух. Она была рядом.

– Не знаю, кто ты, но ближе не подходи.

– А то что? – усмехнулась женщина. – Что ты можешь в этом слабом смертном теле?

Ощувив на коже ледяное прикосновение, я без раздумий... ее пнула.

Моя нога встретилась с чужой грудью. Я только и успела что ухмыльнуться, а в следующий миг уже лежала на полу.

– Еще рано, – промурлыкал голос. – Теперь я знаю. Я вижу тебя. Вижу... твой... дом. Ты должна меня провести.

– Никуда я тебя не поведу, – прошипела я и попыталась схватить ее, но не смогла.

Затем попробовала закричать, но звук отскочил обратно, и мир перевернулся, лишив меня всякого чувства направления.

Женщина стиснула мое запястье железной хваткой, такой

ледяной, что у меня застучали зубы. И виски свело от холода. Я не могла кричать. Меня охватила паника. «Нет. Я не умру в этих стенах. Не так».

Я ринулась сквозь оцепенение, желая вернуть контроль над телом. Движение получилось совсем крохотным, легкий сдвиг, но я ощутила его, будто плитка с щелчком вошла в паз. Я уцепилась за это чувство, за едва уловимый призрак тепла. Заставила себя оттолкнуть холод, и боль от него разорвала мое горло сотней криков.

Их мощь окружила меня, ограждая, защищая. Темнота, скрывавшая женщину, рассеялась.

Я услышала вздох, приглушенный возглас удивления, а затем...

Ничего.

Завеса тишины, накрывавшая комнату, тоже растворилась. Женщина исчезла и забрала с собой леденящий холод. Я потеряла руки, но ладони были теплыми и румяными, словно холод оказался лишь одеялом, и теперь его с меня стянули.

А вот от голоса незваной гостьи избавиться не получалось. Я хотела следовать за ним так же сильно, как и вытряхнуть его из головы. Знакомые нотки отзывались в груди застарелой болью, которую я никак не могла вспомнить.

В комнату просочился слабый свет, и я не сдержала тихого проклятья. Над городом занималась заря, а ведь мгновения назад мои покои были в самой гуще ночи. Дыхание так и не

выровнялось, но я поднялась на ноги и прошагала к двери. А когда потянулась к ручке, по ту сторону что-то лязгнуло. Так задвигается засов. Внутри вспыхнула паника – резкая, едкая, – и я ударила ладонями по дереву:

– Откройте! Кто запер дверь?

В ответ раздался голос не менее жуткий, чем у знакомой незнакомки.

– Угомонись, Майявати, – по-крокодильи пропела матушка Дхина.

Я почувствовала, как отливает от лица кровь, и отступила назад.

– В мои покои только что кто-то проник. Мне нужно поговорить со стражей.

– Какая наглая ложь, дитя, – рассмеялась матушка Дхина. – Я уже почти готова похвалить твое воображение. Никто не пройдет мимо часовых раджи...

– Но здесь кто-то был! – возразила я. – Выпустите меня! Я требую сло...

– Требуешь? – повторила она. – Ты не вправе ничего требовать. И должна усвоить этот урок до свадьбы. Раджа велел сообщить тебе, что сваямвара состоится через два дня. Учитывая твое поведение в прошлом, двор решил убедиться, что ты никуда не денешься и не навредишь себе.

– Вы про побег?

– А еще это удержит тебя подальше от Гаури, – продолжила матушка Дхина, будто я ни слова не произнесла. – Ника-

ких больше встреч до сваямвары. Хватит заражать ее своими неудачами и прискорбными манерами. Хватит разводить нелепые мысли в ее голове.

– Уж лучше разводить мысли, чем ноги, – прошипела я. – Впрочем, вы вряд ли поймете...

– Молчи, тварь! Все эти годы я изо всех сил старалась проявлять милосердие. Подарить тебе дом.

– Вы меня спрятали, из-за вас меня избегал весь двор. По-вашему, это милосердие?

– Конечно. Я уберегла людей от постыдного общения с тобой. Меньшее, что ты могла сделать, это умереть. Но ты до сих пор эгоистично цепляешься за жизнь.

– Мне извиниться?

Смех матушки Дхины бил по сердцу жесткими ледяными плетями.

– Когда болезнь унесла восемь жен, я молилась, чтобы ты стала следующей. – Она помолчала, а потом заговорила гораздо тише, но куда яростнее: – Ты хоть знаешь, скольких детей я из-за тебя похоронила? Сильных, здоровых детей. Десять пальцев на ручках, десять на ножках. Целые гривы волос на головах. Они просто не смогли дышать. Из-за тебя!

– Чушь.

– Твоя тень коснулась моей. Ты отравила меня. И убила их. Твой гороскоп навлек тьму на наш двор. Ты виной всем бедам.

– Вы...

– Хватит, – прервала матушка Дхина. – Тебе здесь не место. Как и твоей матери, но ей хотя бы хватило ума умереть молодой.

Она прокашлялась, а когда заговорила вновь, голос звучал равнодушно и монотонно. Такие люди могут смотреть, как ты горишь заживо, и даже не моргнут.

– Согласно свадебным традициям Бхараты, ты будешь изолирована, чтобы сохранить предельную чистоту.

– Вы не можете так поступить! – Я ударила кулаками в дверь. – Здесь кто-то был. Если вы и вправду милосердны, выпустите меня, позвольте поговорить с раджой.

Шаги уже удалялись. Я кричала ей вслед, но лишь эхо подхватывало мои слова. Матушка Дхина ушла. Я сбила и исцарапала костяшки, но ни одна деревянная панель так и не сдвинулась с места. Я вновь и вновь бросалась на дверь. Я вопила, пока голос не стал лишь слабым эхом того, что я когда-то знала. Вопила, пока не содрала горло, так что теперь болезненно вздрагивала даже от шепота. Прижимая окровавленные ладони к груди, я скользнула по стене на пол.

Возможно, это был просто сон, какая-то жуткая иллюзия, которая вскоре разлетится осколками кошмара. Я о таком уже слышала. Когда отец поклялся послам мятежных королевств, что военнопленных никто и пальцем не тронет, он нашел иные способы пыток. Лишение сна. Но слово сдержал – к ним никто не прикасался. Не было нужды. Прячась на стропилах, я слушала, как они дают показания, обреченные

на ужасы вечного звона в ушах и провалившиеся от бессонницы глаза. Разум умеет сбегать от реальности, и кто знает, на что он способен в отсутствие покоя.

Должно быть, что-то подобное произошло и со мной.

– Я устала, – прошептала я себе под нос. – Вот и все. Это не по-настоящему. Не по-настоящему.

Я раскачивалась взад-вперед, словно молитву бормоча слова в сложенные чашечкой ладони. Затем закрыла глаза и позволила боли разлиться по измученному телу, пока наконец не провалилась в сон.

5. Дарованная свобода

На следующее утро меня разбудил гомон гаремных жен, снующих по коридорам. Я смотрела на покрывшиеся корочкой ранки на руках, чувствовала подсохшие дорожки слез на лице и понимала, что это не сон. Реальность превратилась в запутанный лабиринт. За один день моя комната стала чужой и незнакомой. Голос незваной гостьи тугой петлей сдавливал шею. Она вообще приходила? Я не знала. Вдруг это как-то связано с последним учителем, чья рогатая тень оказалась лишь игрой света и воображения?

Я провела руками по волосам и задрожала. Бледные утренние лучи пронзали пустую комнату. Куда бы я ни взглянула, всюду видела лишь захлопнувшуюся ловушку. Если в прошлом небо намекало на свои секреты, то теперь оно не выражало ничего. Дважды я пыталась приподнять решетки на окнах. Пилила их камнем, расшатывала у основания, но только опять сбила пальцы в кровь, а выхода так и не нашла.

Снаружи под моей дверью выстроились в очередь жены, готовые поделиться историями своих матерей и сестер и собственными. Традиция должна была нести радость и веселье, но мне никто не давал ложных надежд. Я не знала, благодарить их или ужасаться. Я не могла отличить один голос от другого, они сталкивались и переплетались, пока не слились в стройный хор боли. Мне рассказывали о несчастных, уби-

тых мстительными мужьями во имя чести; о женах, которых мужчины зашивали перед военным походом, дабы те блюли добродетель; о потоках крови в первую брачную ночь. Мне рассказывали о синяках под золотыми браслетами, о вуалях, что скрывают выбитые челюсти, о страхе повысить голос. Я пыталась отгородиться от слов. Пыталась убедить себя, что все это выдумки, лишь бы меня напугать. Но всякий раз, закрывая глаза, я видела зловещего мужчину с неумолимым взглядом и сурово поджатым ртом.

* * *

Ночь обернула дворец беззвездным одеялом. Я почти не шевелилась весь день. Даже когда байки жен обжигали кожу, даже когда Гаури подсовывала под дверь рисунки – ничто меня не трогало. Я пыталась представить, как Вселенная склоняется вперед, чтобы испытать меня. Неужели этого она и хотела? Я могла бы прикрыться бесстрашием, как вуалью. Вдруг, если не развеивать иллюзию, я сумею обмануть даже себя?

Когда в королевстве воцарилась тишина, я наконец зажглась в своих покоях. В углу злобно усмехнулась вырезанная на колонне львиная голова Нарасимхи¹³. Легенда о нем чудовищна – история крови и гнева богов, – но почему-то она

---

¹³ Челоовеколев. В индуизме Нарасимха рассматривается как олицетворение божественного гнева.

вселяла в меня надежду. В глазах львиноголовой статуи мерцало яркое пламя, не отдавая ни капли тепла. Мир словно заволокло холодом. И что самое ужасное – я никак не могла узнать, вернется ли нападавшая. Я мысленно прокручивала ее слова, но они не имели смысла. *«Ты должна меня провести»*. Куда? Я все острее сознавала, что все это лишь кошмар, вызванный напряжением и усталостью.

Но если нет, то лучше подготовиться к новой встрече. Из прикроватного ящичка я достала грубый осколок кремня и, положив это жалкое подобие оружия рядом, уставилась на балкон. Я хотела, чтобы незнакомка появилась. Что-то в ее голосе наполняло меня горечью сожалений.

Из размышлений меня вырвал скрежет. Я схватила камень, но тут услышала голос...

– Майявати, подойди к двери.

Я напряженно застыла со вскинутой рукой. Живот болезненно сжался. Я слышала этот голос сотни раз, внимала ему из своего укромного уголка и представляла, как он произносит что-то нежное и доброе. Отец.

Дверь с тяжким вздохом отворилась, и на пороге темным пятном возник силуэт раджи. Ни по бокам, ни за его спиной не было видно привычной свиты стражников – он пришел один. Я тут же вскочила. Отец не из тех, кто попирает традиции, и все же он решился тайно меня навестить. На миг я даже задумалась, не откликнулась ли неведомая сила на мои молитвы и не даровала ли таким образом свободу. Но опыт

подсказывал иное. Отец слишком хитроумен для подобных проявлений чувств.

– Я пришел с даром, – сказал он, протягивая ко мне руку, – который освободит тебя от этого брака.

А затем достал из складок одежды маленький фиолетовый флакон. Я взяла его, вытащила пробку, стараясь не пролить ни капли, и осторожно вдохнула. Кровь отхлынула от лица. Я знала этот аромат. Дыхание перехватило, под кожей начал расползаться смертельный холод. Отец принес мандрагору, вымоченную в молоке. Яд.

– Неважно, за кого ты выйдешь, они продолжают воевать против нас. Об этом слышали мои лазутчики, об этом догадываются мои советники, об этом кричат мои инстинкты. – Раджа говорил спокойно, ровно. – Лучший шанс для королевства – привести войну сюда, не позволяя ей и дальше раздирать наши границы. Твоя сваямвара – прекрасный повод призвать их лидеров. А твоя смерть сведет на нет наше гостеприимство, дав нам право казнить мятежников на месте. Твоя жертва дарует безопасность всему народу.

Я покачала головой, во рту пересохло. Я была не невестой, а приманкой. Стены вдруг начали сдвигаться. Невидимая нить, растянувшаяся от моей макушки до пят, словно лопнула, и я едва не повалилась на пол. Я судорожно вдохнула, но вязкий воздух с трудом проник в легкие.

«Я надеялся, что если приоткрою завесу, то ты простишь мне все, чего я вынужден тебя лишить».

Он лишал меня не просто независимости. Или дома.
Когда я заговорила, голос звучал гулко, хрипло...
– Ты хочешь моей смерти.

6. Свадьба

Секунды становились часами, десятилетиями, веками. Перед глазами промчалась целая вечность, растянув краткий миг тишины после моих слов. И в этом вихре я разглядела, как моя жизнь сжимается, складывается и растворяется в пузырьке с ядом мандрагоры.

Отец прочистил горло и сцепил руки за спиной.

– Это вопрос не моих желаний, – промолвил он, – а необходимости. Если только так можно уберечь королевство и наш народ, то у меня нет выбора.

«Наш народ». Узел в животе затягивался все туже. Только бешеный стук сердца в груди подсказывал, что я жива. Пока еще жива. Я взглянула на хрупкий флакон. Если б захотела, то могла бы швырнуть его радже в лицо, вылить яд на пол или вообще разбить пузырек. Но, разумеется, не посмела. Он олицетворял искаженную надежду Бхараты, вдруг оказавшуюся в моих руках.

– Пойми, твой вклад в процветание королевства превзойдет любые деяния всех твоих братьев и сестер и моих советников. То, о чем я прошу...

– То, о чем ты просишь, не такая уж большая жертва, – произнесла я дрожащим голосом. – Я расходный материал.

– Мы должны проявить твердость, – продолжил раджа. – Если кто-то из отвергнутых тобою женихов решит, будто за

твоим выбором кроются политические мотивы, нас попросту раздавят. Наше королевство исчезнет. Они знают, что твои сестры уже сговорены и только ты свободна от обязательств. Также им известно, что мы не сможем осаждать страну того, кто женится на принцессе Бхараты. Единственный для нас способ защиты – не отдавать тебя никому.

Плечи его поникли. Я подняла глаза, охваченная безумной надеждой. Вдруг отец передумал...

Полвздоха – и руки его окаменели, а затем безвольно повисли по бокам.

Мой смертный приговор.

В легких зашелестела паника, все тело напряглось, словно готовясь к одному безумному выдоху... И прежде, чем отец успел отступить, я бросилась вперед и схватила его за запястье.

– Прошу, – взмолилась, – дай мне что-нибудь другое, чтобы я просто казалась мертвой. Но не яд... Должен быть иной путь.

Раджа выдернул руку из моих пальцев. А когда заговорил, в его голосе не было ни сомнений, ни поддержки, ни милосердия, ни раскаяния.

– Думаешь, я не изучил тщательно каждый вариант? – прогремел он. – Они захотят, чтобы твою смерть подтвердили их лекари. И в тот миг, когда обман раскроется, Бхарата будет обречена. Ты бы предпочла умереть от своей руки или от руки врага? Поверь мне, дочь. Второе гораздо хуже.

Я стиснула зубы, сузила глаза до щелочек:

– Я не собираюсь умирать ради тебя.

Отец улыбнулся, и я тут же поняла, что проиграла.

– Я ведь не глупец. И не жду, что ты пожертвуешь собой ради меня. А ради своей сестры? – Он умолк, и сердце мое похолодело. Гаури. – Ее ты приговоришь с той же легкостью? Или любого из людей вокруг?

Его слова повисли в воздухе, загоняя меня в очередную ловушку. На сей раз, когда раджа отступил, я не шелохнулась. И когда он повернул ко мне безразличное лицо с затененными глазами, в сердце моем уже не было надежды.

– Если ты хотел, чтобы я знала весь план, зачем послал ко мне учителя? Почему сразу не устроил так, чтобы ничто меня не отвлекло?

– Разум играет с тобою, Майявати, – сухо произнес отец. – Вчера тебе не назначали учителей. Я знаю, потому что сам об этом позаботился. Прими яд во время церемонии. Я верю в твоё здравомыслие, дочь.

И с этими словами он ушел. Дверь захлопнулась с оглушительным стуком. Ну конечно, не было никакого учителя. Я действительно повредила рассудком. Я обошла покои, обшаривая взглядом стены и углы. Ни единого шанса на побег. Двери заперты. Окна зарешечены. В комнату медленно просачивался свет, словно вышедший на охоту хищник; он преследовал меня, загонял в угол неудобной правдой, что выхода не осталось, кроме одного – смерти.

Меня разбудил плеск воды в медных чашах и приглушенный звон тяжелых драгоценностей. Сквозь дверную щель в комнату пробивались ароматы мирры, розового масла и накрахмаленной парчи. А затем одна за другой вошли согбенные служанки с нагруженными руками.

Стоило их увидеть, и меня захлестнула злость. Злость на отца – я ведь думала о нем лучше. Злость на то, что побег невозможен. Но отчаяннее всего я злилась на себя – за то, что считала, будто предназначена для чего-то большего. Злилась на собственные мечты, которые прочили мне счастливую жизнь.

Слуги быстро и молча натерли меня куркумой. Если они и заметили мои покрасневшие глаза и растрепанные волосы, то ничего не сказали. Они омыли мои руки и ноги молоком и крапивой, хной нанесли на кожу замысловатый растительный узор – цветы и листья манго, – в волосы до талии вплели золотые нити. Я закусила губу, когда в мочки вонзились аметистовые серьги, а на запястьях защелкнулись браслеты. Словно кандалы.

Я встала, и мое тело плотно замотали в сари. Красное, как и свадебные сари всех моих единокровных сестер до этого. Я горько усмехнулась. Красный должен был отпугивать смерть в этот счастливый день.

Быстро и методично стража очистила мои покои от вещей. За считанные секунды осталась только пустая кровать и маленькая тумбочка. А мой взгляд вновь и вновь возвращался к крошечному флакону, теперь зажатому между запястьем и браслетами. Холодное стекло льнуло к коже.

Я ходила по комнате – запоминая углы, касаясь выступов. Вокруг колыхались тонкие как паутинка занавески, мерцали ярко-зеленые плитки, переливались золотые концентрические круги на потолке.

Дверь качнулась.

– Принцесса, нам пора, – позвали стражники.

Я мечтала провалиться под землю или раствориться в эфире, как моя ночная гостья. Но вот дверь снова открылась, запуская внутрь тени, а я так и не исчезла. Я бросила взгляд на голову Нарасимхи в углу, желая, чтобы он освободился и защитил меня. Но он остался неподвижен, как и положено камню.

– Идемте, принцесса. – Один из стражников не особо ласково ухватил меня за локоть.

Последний лучик солнца успел скользнуть по моей ноге, прежде чем дверь с грохотом захлопнулась. И на меня обрушилась тишина, подталкивая вперед.

Пока я шла, ни одна из обитательниц гарема не попыталась меня обнять. Никто не шептал мне на ушко традиционные благословения на плодовитость и любовь. Из тени на меня холодно смотрела матушка Шастри. Дочери ее и

остальных с нечитаемыми лицами стояли в тени другой колонны. Лишь Гаури бросилась ко мне, а с ней и неохотно матушка Дхина.

– Ты скоро вернешься? – спросила малышка, сияя.

Я едва ее не обняла, но тут почувствовала впившийся в запястье пузырек с ядом и опустила руку. Перед глазами замелькали картинки: чужеземные солдаты врываются в гарем, крадут Гаури. Или того хуже.

Я оцепенело растегнула мамино ожерелье и сунула его сестренке в ладонь:

– Не знаю. Но присмотри за ним, пока я не вернусь, хорошо?

Она с благоговением взяла ожерелье и кивнула. Я распрямилась; вместе с решимостью окреп и узел в животе. Я сделаю, как велел отец. Не ради него, а ради Гаури. Ради Бхараты. Я уже собралась идти дальше, когда матушка Дхина вцепилась в мою руку. Лицо ее было напряженным, сурьма въелась в одутловатую кожу вокруг глаз. Казалось, она сражается с желанием говорить, но в конце концов слова провалились наружу.

– Сохрани некоторые секреты при себе, девочка, – тихо произнесла матушка Дхина.

«Не волнуйтесь, – хотела ответить я. – Вскоре одна лишь земля будет знать мои секреты».

А потом время понеслось неумолимо быстро. Слишком скоро я оказалась в приветственном зале раджи. Всякий раз, как мне хотелось остановиться, перевести дух, к чему-нибудь прикоснуться, стража тянула меня вперед. Даже солнце от меня отrekлось, скрывшись за облаками и не давая согреться. Немой гнев мешал нормально дышать.

Вход в приветственный зал украшали бархатцы и розы, дорожку устилали яркие лепестки. Стоило шагнуть внутрь, и на меня обрушился гомон мужских голосов и приторный запах бетеля. Сквозь вуаль я видела женихов и их слуг. Одни низкорослые, другие высокие. Одни в роговых коронах, другие в золотых диадемах. И на всех пятнадцати венки из красных гвоздик.

Перед каждым женихом в чаше на ножках полыхал огонь. Колонны за их спинами украшали мраморные венцы и оплетали изумрудные лозы. Я подняла глаза к потолку, и ладони вспотели при виде узких балок. Сколько раз я наблюдала за отцом с этих самых стропил?

Откровенно говоря, я впервые вошла в этот зал официально. И пусть сверху он казался маленьким, сейчас комната увеличилась в разы.

Придворный писарь вручил мне венок из белых цветов. На кого его надену, тот и станет моим мужем – хотя бы на

мгновение.

– Дорогие гости, – громогласно начал раджа, – я отдаю вам свою дочь, принцессу Майявати. Да будет сделан ее жизненный выбор с честью и благородством.

Пока он говорил, лица женихов искажал гнев, а их личная охрана сжимала оружие. Как и предупреждал вчера раджа. Кого бы из пятнадцати я ни выбрала, остальные сочтут отказ оскорблением. Я взглянула на отца. Мои сапфиры исчезли с его шеи. Для него я уже была мертва.

Одно за другим зачитывал придворный архивариус имена женихов, и один за другим каждый принц или раджа бросал в огонь перед собой горсть риса.

– Принц Каруши, – объявил архивариус.

Вперед шагнул старик с серебристыми усами.

– Раджа Гандхары.

Мальчик, явно едва достигший тринадцати лет, нервно замер и поклонился.

– Император Одры.

Голову склонил мужчина средних лет с окрашенной хной бородою.

Архивариус громыхал именами чужеземных правителей, пока я не насчитала ровно пятнадцать. Я шумно втянула воздух и задерживала его так долго, как только могла, не желая тратить ни единого выдоха.

– Пришла пора принцессе Майявати сделать выбор, – объявил архивариус, скручивая пергамент. – Как велит тради-

ция, принять решение она должна в одиночестве.

Он дунул в маленький рожок, и я чуть не вскрикнула. Пот струился по вискам, смешиваясь с металлическим запахом благовоний и хны. Когда женихи и стража покинули зал, раджа напряженно мне кивнул.

Вскоре я осталась совсем одна. Пламя в чашах заметно поутихло. Мне дали лишь пару минут. Сквозь прозрачные занавески пробивались солнечные лучи, и я двинулась к ним, как во сне, и замерла в полосе света.

Что подумают женихи, когда увидят на полу мое бездыханное тело? Я представила, как ужас на их лицах сменяется ненавистью, а глаза наполняются безумием, когда каждый осознает обман. Устроят ли они битву прямо здесь? Расстопчут ли мое тело будто оружие, коим оно и послужило? Или кто-нибудь оттолкнет меня в сторону, мой выполненный долг, мою использованную жизнь?

В мыслях всплыл гороскоп. Вероятно, звезды действительно не ошиблись. Вот оно, супружество, что свяжет меня со смертью. Моя свадьба, пусть и притворная, должна была стать не просто моим концом. Я глубоко вдохнула и ощутила, как тело наполняется спокойствием.

Последнее, что я попробую: сладкий воздух с привкусом жженных трав и ароматных лепестков.

Дрожащими пальцами я выудила флакон из-под браслета.

Последнее, что увижу: дребезжащий огонь и окна, до которых не дотянуться.

Я поднесла флакон к губам. Грудь сдавило, влажный шелк лип к спине и ногам.

Последнее, что услышу: ритм все еще бьющегося сердца.
– Пусть Гаури проживет долгую жизнь, – произнесла я.
Густой яд неохотно стекал с края горлышка, и я запрокинула голову, веки почти сомкнулись...

И вдруг: звон разбитого стекла.
Когда я открыла глаза, в руке уже ничего не было.
Пролитый яд впитался в ковер, тут и там блестели осколки, а сверху их накрывала тень незнакомца.
– В этом нет необходимости, – сказал он.

И вытер руки о ткань угольно-черной курты¹⁴. Лицо его было частично скрыто соболиным капюшоном, усыпанным крошечными бриллиантами. Я видела лишь острую челюсть, изогнутые, как змея, губы и прямую переносицу. Как и женихи, чужак надел венок из красных цветов. И все это я могла с легкостью забыть, выбросить из головы.

Кроме его голоса...

Он прорвался сквозь сумрак моих мыслей и захватил над мною власть так же, как голос таинственной ночной гостыи. Но если женщина вызывала ярость, то сейчас все было иначе. Пустота во мне дрогнула и откликнулась на зов тихой тающей песней. Я словно стала стихом из плоти и крови или

---

¹⁴ Свободная рубашка до колен. Традиционно носится с *kurta-pajama* (легкими свободными штанами, затягивающимися на шнурке вокруг талии), шароварами и дхоти.

спрессованным лунным светом – чем угодно, кроме себя самой.

Заговорить я смогла лишь через несколько секунд. К тому времени незнакомец улыбался.

– Кто ты?

– Один из твоих женихов, – ответил он в тот же миг и поправил венок на груди.

Я отступила, подобравшись. Я видела его впервые и знала это наверняка. Он собирался мне навредить?

– Ты не ответил.

– А ты не поблагодарила, – парировал чужак. – Но прежде чем начнешь ругать меня за то, что прервал твою мученическую смерть, лучше выгляни на улицу. И обрати особое внимание на колесницы.

Я покосилась на дверь в переднюю – женихи со слугами могли вернуться в любой момент, – затем, держась подалеже от незнакомца, присмотрелась к нижней части колесниц и замерла. То, что я ошибочно приняла за спицы, оказалось копьями, выкрашенными золотом. А под фальшивыми повозками прятались солдаты. Сотни солдат. Я попятилась от окна, сердце колотилось как бешеное. Сколько человек там пряталось? Нет, хуже – сколько солдат Бхарата невольно приняла? Правители соседних стран могли тайком провести половину своих войск через открытые ворота. Я еще раз оглядела колесницы. Армия моего отца превосходила врага численностью, но у женихов тоже было преимущество – вне-

запность.

Я обернулась к чужаку:

– Это ты все придумал? Спланировал нападение?

– Нет.

Вытащив из волос острую шпильку, я направила ее на него точно клинок:

– Тогда почему не называешь своего имени?

Он поклонился:

– Я раджа Акарана. Но можешь звать меня Амар.

Акарана? Я никогда о таком не слышала, а ведь обстоятельно изучала географию окружающих Бхарату королевств. Но прежде чем я успела что-то сказать, Амар выхватил шпильку из моей руки.

– Поугрожаешь мне потом. Сейчас тебя должны волновать люди снаружи. Они знают о планах твоего отца, так что явились подготовленными.

У меня даже рот приоткрылся.

– Но как ты...

– Мои лазутчики сообщили.

– А раджа знает?

Я представила, как Гаури играет в своей комнате, ни о чем не подозревая.

– Да.

Голова моя разрывалась от вопросов.

– Но?..

– Я послал гонца его предупредить.

– Мне нужно в гарем. Моя сестра в опасности.

Приподняв сари, я повернулась к двери, но в тот же миг королевство содрогнулось от грохота. Колесницы перевернулись. Я так и видела, как распрямляются сидевшие под колесами солдаты, будто обретшие плоть кошмары. По земле оглушительно затоптали сапоги, заскрипели ворота, воздух прорезали крики.

– Надо спешить, – повысила я голос. – Надо их предупредить.

Амар удержал меня за руку:

– Поздно предупреждать. Сражение уже началось.

Я помолчала, стараясь расслышать хоть что-нибудь за шумом крови в ушах. Вдалеке звенело железо, сталкивались щиты, ревели, бросаясь друг на друга, люди. За окном лежали опрокинутые колесницы – расколотые, будто пустая скорлупа.

– Нет времени. – Амар наконец отпустил мою руку. – Раджа лично попросил вытащить тебя отсюда.

– Правда?

Он кивнул. Снаружи все нарастали звуки сражения, и невозмутимо переливались в солнечных лучах парапеты гарема.

– Женщины не пострадают. Этим генералам нужна лишь одна война, так что твоих сестер не тронут, иначе придется отвечать перед королевствами их женихов. Пока мы тут болтаем, гарем охраняют солдаты. – Голос Амара настойчи-

во прорывался сквозь мои мысли. – Кто будет охранять тебя, если останешься?

Я не знала, что ответить, ошеломленная происходящим за окном.

– Нужно уходить, – не унимался он.

Я понимала, что если останусь, то все равно умру. А вот если уйду, то как минимум смогу жить...

Надежда раскинула в моей груди трепещущие крылья. Как долго я мечтала сбежать из этих стен? И вот, едва не залив эту надежду ядом, я получила шанс. Словно все предыдущие семнадцать лет были лишь подготовкой к этому моменту. Что-то заныло внутри, будто колотая рана, и я с трудом узнала позабытое чувство – то было облегчение. Раскаленное добела, сверкающее облегчение. Голова закружилась, меня накрыло волной слабости, так что даже руки задрожали.

– Ну что? – подтолкнул Амар. – Мы идем или нет?

Мы? Я подняла глаза. На шее его безвольно болтался венчик из красных гвоздик. Амар протягивал руку в небрежном приглашающем жесте, безразличный к царящей на улице суматохе. Могла ли я ему доверять? Вдруг он уже продал меня врагам? У него не было причин защищать меня... разве что личные чувства.

Руки мои вдруг зажили собственной жизнью. Все остальное отошло на задний план – чужая протянутая ладонь, парчовая штора. Я была убеждена, что этот миг только наш с

Амаром, общее дыхание, одно на двоих сердцебиение – мы делились всем, как секретом. Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг набросила ему на шею белый венок.

А потом смотрела на свои руки и не верила, что так поступила – вышла замуж одним махом.

Амар приподнял венок за белый бутон и усмехнулся:
– Я надеялся, что ты выберешь меня.

Правый уголок его губ приподнялся быстрее, чем левый. Мельчайшее движение, но я не могла отвести от него глаз. Улыбался Амар немного натянуто, будто делал это нечасто.

Двери распахнулись. Сражение, уже гремевшее железом в коридорах, добралось и до внутреннего святилища. Стражники и вражеские солдаты ввалились в зал с поднятыми копьями.

Комнату затопил запах горелого риса, едкий, горький. Я приподняла подол сари и бросилась прочь по шелковому полу. Быстро, исступленно. Слепо. В соседнем зале я наткнулась на брошенные мечи и щиты и поскользнулась на луже, слишком теплой и слишком красной для воды или масла. Сердце гроыхало в ушах, отгоняя звуки кулаков, встречающихся с плотью, и звон скрестившегося оружия. От меня волнами растекалась по воздуху усталость, боль, скорбь. Энергия струилась по моим костям. Яростное, почти мучительное желание жить подталкивало к двери, дразня обещанием обжигающих солнечных лучей на коже и потоков чистейшего воздуха в легких.

В руку вцепился какой-то солдат, но Амар меня оттащил. Мимо свистели стрелы, но стоило хоть одной нацелиться на меня, он отталкивал меня с пути. Амар не кричал. Он вообще не подавал голоса. Двигался плавно, уклонялся от копий и всегда был на несколько шагов впереди меня. Живой щит. Его капюшон так и не сдвинулся с места, скрывая верхнюю половину лица.

Двери перед нами открылись, скрипя, точно сломанные кости. Комнату залил ослепительный свет. Я прищурилась, но не остановилась. Грудь болезненно сдавило от горячего сухого воздуха. Едва я замедлилась, как запястья коснулись холодные пальцы...

– Мой скакун там, – сказал Амар, утягивая меня с дороги.

А я слишком запыхалась, чтобы возмущаться, когда он обхватил меня за талию и забросил в обвешанное всякой всячиной седло водяного буйвола. Только я нашла, за что ухватиться, как Амар и сам вскочил на спину зверя и резким свистом сорвал его с места.

Буйвол несясь сквозь джунгли. Звуки перетекали один в другой: лязг железа сменился топотом копыт, журчание фонтанов – шорохом ветвей.

Поначалу я сидела неподвижно, опасаясь спугнуть невероятный образ – вдруг это посмертный сон, какая-то прощальная насмешка судьбы. Но затем увидела сомкнувшиеся над головой джунгли. Ощутила мускусный запах напитанной влагой жизни кругом. И оцепенение спало.

Я была свободна.

7. Ночной базар

Я запрокинула голову, позволяя ветру щипать глаза, и время от времени подносила руку к сердцу, дабы убедиться, что оно еще бьется. У свободы был горько-сладкий вкус. Никогда больше я не проведу весь день с Гаури, рисуя. Никогда не забудусь на несколько часов в залах бхаратских архивов. Будущее казалось белым пятном, и от этой неизвестности кружилась голова да мысли становились все приземленнее.

Мы мчались вдаль под сенью золотых деревьев. Я оглянулась – с дороги мы свернули давным-давно, и даже призрака ее не маячило на горизонте. Джунгли поглотили ее целиком.

– Куда мы едем? – спросила я. – Ко всем основным королевствам ведет главный тракт.

– Не ко всем, – отозвался Амар.

Водяной буйвол устремился к пещере, увитой черными лианами. Спрессованную землю стен испещряли кварцевые жилы.

– Чтобы добраться до Акарана, нужно сначала пройти через Ночной базар.

Я чуть не задохнулась. Может, магия и существовала, но Ночной базар точно был выдумкой. Порождением детских фантазий и снов. Амар дразнил меня. Я вскинула бровь, вспоминая издевательства Юдхистиры и пчелиное облако, загнавшее его в воду.

– То, что я выросла за толстыми стенами, не значит...

Темнота туннеля сменилась ярким светом.

Расколотое надвое небо озарило неземной город. Слева луна купала в жемчужном сиянии небольшие лавки торговцев и заросли вьющихся растений. Справа пылало солнце, лаская лучами странные деревья в форме человеческих конечностей и животных. Небо, разделенное пополам днем и ночью, переливалось всеми цветами радуги.

Существа, как невероятно высокие, так и поразительно крошечные, скользили между тенью и светом. Эфемерный слон, мерцающий перламутром, опустил хобот в карман малявки-мышки. Двенадцать птиц с миловидными женскими лицами хлопали ресницами, кокетничая с мужчинами-нагами, и те подались навстречу, сверкая изумрудной чешуей. Мальчишка с поникшими крыльями и сморщенным ястребиным клювом дулся на мать, у которой не было ни крыльев, ни клюва, зато имелся широкий павлиний хвост...

Едкое замечание испарилось, так и не сорвавшись с моего языка, и я лишь потрясенно гладела на этот удивительный мир.

Ночной базар.

Спокойствие мое улетучилось. В памяти тут же всплыли истории о королевских девицах, похищенных, чтобы служить пузатым ракшасам, и о принцессах, превращенных в посудомоек в недрах Ночного базара. Я скатилась с буйвола и покачнулась, ловя равновесие. А отдышавшись, попя-

тилась от Амара. Затененное капюшоном, его лицо казалось зловещим.

– Не приближайся! – прошипела я.

Шагнувший было ко мне Амар замер.

– Позволь объяснить, – начал он. – Понимаю, это не...

Я подхватила с земли палку и несколько раз взмахнула ей перед собой.

– Кто ты такой?

Амар засмеялся:

– Палка? Я привел тебя на Ночной базар, а ты всерьез думаешь, что палка тебя защитит?

Я крепче вцепилась в оружие.

– Но от меня тебе и не нужно защищаться, – поспешно добавил он.

– Кто ты такой?

– Амар.

– Откуда ты прибыл?

– Из Акарана.

Я бросила на него тяжелый взгляд, но сомневалась, что он хоть что-нибудь видит из-под своего капюшона.

– Что ты такое?

Амар приосанился и ответил без колебаний:

– Раджа и твой муж.

– Зачем ты привел меня сюда? – Голос дрогнул. Я никак не могла перестать глазеть на Ночной базар. Это правда был он. И я стояла на одной земле с созданиями, существовавшими

– до сих пор – только в сказках. – Чего ты хочешь от меня?

Амар застыл. Улыбка его истаяла.

– Хочу твоего мнения и искренности во всем, – сказал он и продолжил куда мягче: – Хочу преклоняться пред тобою.

Лицо вспыхнуло огнем. Я замерла, и рука, сжимающая палку, чуть опустилась. Мнения и искренности? Преклоняться предо мною? Раджи никогда не просили у жен ничего, кроме сыновей.

– Моему королевству нужна королева, – вновь заговорил Амар. – Ему нужен кто-то с яростью в сердце и тенью в улыбке. Кто-то неутомимый и умный. Ему нужна ты.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Я знаю твою душу. Все остальное – лишь украшение.

Его голос обволакивал меня, мрачный, сверкающий. Такой голос успокаивает и убаюкивает и в этот же миг перерезает горло. И все же я поддалась ему.

– Идем со мной. Ты никогда не была счастлива в этом мире. Они посадили тебя в клетку. Дали тебе игрушки из серебра и шелка. – Амар улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. – Я могу подарить тебе множество миров.

Ему удалось меня зацепить. Чем-то посильнее страха или влечения – то было честолюбие. Двор Бхараты видел во мне лишь пешку, но Амар просил большего. Он хотел знать мое мнение, мои мысли. Он не предлагал мне почетное место среди многих жен. Он просил меня править.

Я знала своего отца. Он наверняка уже объявил о моей

смерти, и никто не стал задавать вопросов. Вероятно, мне следовало держаться подальше от дворца – пусть уж лучше притворно меня оплакивают, чем открыто ненавидят. В Бхарате для меня ничего не осталось.

Глаз Амара я не видела, но все равно почувствовала его взгляд.

– А сам ты из какого мира? Из их? – Я указала на потустороннее существо, что поблизости натачивало рога.

– Нет. Мое королевство не принадлежит ни миру людей, ни Иномирию. Оно между.

– Зачем ты прибыл в Бхарату? – спросила я. – На мою свадьбу приглашали лишь те народы, с которыми мы воюем.

– С моим народом воюют все, – с улыбкой ответил Амар.

– Как ты вообще обо мне узнал?

– У Акарана есть глаза и уши.

Он мог солгать. Я годами вникала в дела королевства со стропил, не упуская ни единой детали, но у отца были и другие встречи, вне дворца... вне Бхараты.

Я колебалась.

– Как я могу доверять тому, кто даже лица своего не показывает?

– Здесь меня могут легко узнать.

Амар натянул капюшон еще ниже – жест настолько однозначный, настолько закрытый и неприветливый, что я пристыженно отступила. Затем он снял с шеи свадебный венок, достал из рукава небольшой кинжал и прежде, чем я успела

отреагировать, провел лезвием по ладони. На коже выступили мелкие капли крови. Амар протянул мне руку, словно извращенное подношение.

– Нас должна связать кровь, а не цветы, – произнес он. – Идем со мной, и будешь императрицей, и тронм твоим станет луна, а созвездия воссияют в твоих волосах. Идем со мной, и я обещаю, что мы всегда будем равны.

Во рту пересохло. Клятва на крови – это не пустяк какой-то. Вассалы клялись лордам, жрецы – богам. Но чтобы мужа женам? Немыслимо.

И все же жизнь при бхаратском дворе кое-чему меня научила: чем заманчивей предложение, тем больше плата. А у меня не было ни приданого, ни влияния семьи – ничего, кроме надетых с утра драгоценностей.

– Ты предлагаешь мне целый мир, но ничего не просишь взамен.

– Я прошу лишь твоего доверия и терпения.

– Доверия? – повторила я. – Доверие завоевывается годами. И не словами. Я ведь ничего о тебе не знаю...

– Я все тебе расскажу, – жарко перебил Амар, – но нужно дождаться новолуния. Из-за тесной связи с Иномирьем королевство станет опасно для любопытных.

В историях, что я рассказывала Гаури, новолуние ослабляло другие миры. Звездный свет истончал их границы, и местные жители лежали в этом сиянии обессиленные и сонные. Вот только эту часть я сама и сочинила.

– Почему так долго?

– Потому что тогда мое королевство будет слабее всего, – подтвердил Амар мою выдумку, отчего по спине побежали мурашки. – До тех пор необходимость удерживать другие миры связывает меня молчанием.

В ночь перед свадебной церемонией в небе не было луны. Значит, мне предстояло мучиться неизвестностью целый цикл.

– И ты все равно ждешь, что я отправлюсь с тобой?

– Да, – как ни в чем не бывало сказал Амар. – Принимаешь ли ты меня?

Он вновь протянул ко мне ладонь с ярким припухшим порезом. На фоне сияющего базара силуэт Амара казался вылепленным из самой ночи.

Я посмотрела мимо него на мерцающие тайны Иномирья. Ночной базар переливался под расколотым небом – приглашая стать чем-то большим, чем ожидала Бхарата, призывая отринуть участь безымянных, безмолвных гаремных жен. И нужно было всего-то взять Амара за руку...

Я потянулась к нему, прежде чем осознала это, и вздрогнула от тепла его кожи.

– Принимаю.

* * *

Ночной базар распростерся перед нами сиянием красок

и жизни. В толпе петляли телеги с хурмой и кремовыми яблоками. Прилавки сами перебегали через улицу, дабы привлечь возможных покупателей, а другие вдруг уменьшались до размеров наперстков, так что могли обслужить только кого-нибудь не больше мыши. Воздух наполнился звуками тростниковых флейт и стрекотом торгующихся языков.

Пока мы шли, я все оглядывалась, практически кружась вокруг своей оси, и дважды едва не врезалась в группу воодушевленных музыкантов с ситарами и барабанами. Это был яркий мир моих снов и мечтаний, и всякий раз, когда я моргала и вновь открывала глаза, в груди медленно разливалось какое-то теплое чувство. Вид Ночного базара, его горячая неровная земля под ногами и лакрично-черные балюстрады из тикового дерева под пальцами очаровывали и дурманили. Я уже вовсе боялась моргать, как будто за краткий миг все это хрупкое таинство могло исчезнуть. Но не исчезало. И было осязаемым. И я, вопреки всему, во что верила еще накануне вечером, находилась здесь.

Вокруг витали ароматы свежих ягод, спелых фруктов, дымных жареных орехов и соленой кукурузы. Я чувствовала, как они оседают на моих волосах. И каждый звук новой песни проникал в сердце и отпечатывался в памяти.

Обитатели Иномирья беззаботно сновали по Ночному базару, обходя пляшущие ракушки и рассматривая радужные фрукты. Длинные конечности, острые скулы и симметричные черты делали этих существ слишком совершенными,

чтобы ненароком принять их за людей. Они то бежали вприпрыжку, то скользили, да так грациозно, что бхаратские танцовщицы-девадаси на этом фоне казались бы сломанными куклами.

Куда бы я ни повернулась – кожу покалывало от зорких взглядов. Куда бы мы ни пошли – местные, словно узнавая нас, вежливо склоняли головы.

– Ты, похоже, довольно известен. Полагаю, плащ не особо справился с маскировкой. – Этими словами я надеялась заставить Амара снять капюшон, но он упорно натягивал его все ниже.

– Они признают и ценят наш долг – беречь и защищать их, – пожал он плечами.

«Наш долг», – мысленно повторила я, и живот наполнился странным теплом.

– Не знала, что Иномирье нуждается в защите. Ты... вроде как страж?

Амар двигался, как отчетливая тень. И от него веяло прохладой, но отнюдь не неприятной. Даже в глазах приветствовавших его обитателей Ночного базара светился восторг.

– Мне нравится это слово, но, наверное, остальные видят в моем ремесле не защиту, а захват.

Едва Амар договорил, как рука его метнулась к горлу. На миг я даже испугалась, что мой супруг сейчас рухнет, но вскоре он набрал полную грудь воздуха и расслабился.

– Прости, – прохрипел. – Я не врал, когда говорил, что не

могу раскрыть все секреты Акарана. По крайней мере пока.

«Значит, страж, – думала я, – но чего?» Ни в одной из прочитанных мною сказок не упоминалось о хранителях, стоящих между людьми и иномирными существами. Вдруг мимо промчалась стайка малышей киннаров¹⁵ – темноглазых, румяных, с когтистыми птичьими лапками. Глядя на них, я затосковала по Гаури. В безопасности ли она? Что стало с Бхаратой? Я успокаивала себя воспоминаниями о стражниках, марширующих к гарему, и заверениями Амара. И все же чувство вины не давало покоя. Мне хотелось верить, будто я сбежала из Бхараты от безвыходности, но мысль о том, что я бросила Гаури, по-прежнему больно жалила.

Я все еще думала о сестренке, когда мы забрели в самую гущу Ночного базара. Вокруг толпились лавочники, торгуясь и вопя, – порой на языках, которые для меня походили разве что на резкий свист. Когда я останавливалась возле диковинных палаток, Амар чуть отступал и замирал за моей спиной. Первая палатка была из черной бархатной ткани, которая хихикала, стоило к ней прикоснуться. Под навесом вращались маленькие стеклянные планеты, издавая усыпляющую песнь.

– Положи одну под коготь, или ступню, или что там у тебя, и спокойный сон тебе обеспечен, ручаюсь!

---

¹⁵ Киннары – полубожественные существа, описываются как люди с конскими головами или птицы с головами людей. Принадлежат к свите бога Куберы и, как и гандхарвы, являются небесными певцами и музыкантами.

Хозяин – некто с бычьей головой – начал срывать их с кисточек и перекачивать передо мной, точно мерцающие игральные кости.

– Отдам пять по цене трех! А за все лишь заберу звук твоего голоса на неделю.

– Нет, спасибо, я просто смотрела, – сказала я извиняющимся тоном.

Торговец хмыкнул, собрал заключенные в стекло ночи спокойного сна, и вскоре они уже вновь вращались под навесом палатки, отбрасывая на его лицо блики. Я быстро перешла к соседнему прилавку. Хозяйка, сжимавшая в зубах трубку из розового кварца, равнодушно обвела рукой свой товар.

– Клубок кошмаров, – сказала она, указывая на мигающие клыкастые клочки дыма, – или сплетение дивных грез. Выбери. Мне, в общем-то, все равно.

Я потянулась к грезам. На вид будто скрученные из стекла, под пальцами они ощущались нежным шелком. Коснувшись одного сплетения, я его почувствовала: сон в дремотный солнечный зимний полдень, греза, где море цветов и ярких свечей омывает мои лодыжки.

Следующий прилавок был завален костями животных. Я взяла одну, вздрогнула и быстро положила на место. Показалось, будто кость меня читала.

– Это для гаданий, дикри ¹⁶, чтобы предсказывать буду-

---

¹⁶ Дочка.

щее, – попыталась завлечь меня грузная дама. За спиной ее покачивались тускло-золотые с огненной каймой крылья.

– Не интересуюсь, – ответила я, думая о своем гороскопе.

– А любовными чарами интересуешься? – Торговка подтолкнула ко мне вырезанный из жемчуга цветок и добавила, подмигнув: – Чтоб любовничек внимание уделял.

К прилавку тут же шагнул Амар и небрежно подвинул цветок обратно к хозяйке:

– Я ее муж. И ей не нужны чары, чтобы удержать мое внимание.

Разглядев его, торговка схватила цветок и несколько раз поклонилась.

Мы двинулись дальше через рынок, и вскоре я увидела еще одно странное существо: переплетенными, будто змеи, руками оно удерживало высоко над головой блюдо с морковной халвой – любимым лакомством Гаури. Я все смотрела на халву, смотрела и никак не могла вспомнить, когда ела в последний раз.

Я жутко проголодалась и теперь боролась с глубинным порывом стащить что-нибудь с одного из тысячи блюд с едой. Я ведь отныне королева или вроде того, а потому должна быть образцом самообладания. Спокойствия. Но желудок предал меня громким ворчанием, и губы Амара дрогнули в улыбке.

– Ты хоть что-нибудь за день съела?

В памяти всплыл запах яда мандрагоры. Было как-то не до еды, когда я готовилась к неминуемой гибели и прощалась

с жизнью.

– Не посчитала нужным, – сухо заметила я.

– После прикосновения смерти первый вкус, который ты ощутишь, должен быть сладко-горьким. Как сама свобода.

Я вновь покосилась на морковную халву:

– Поздновато для сладко-горькой пищи.

– Я могу это изменить.

8. Дворец между мирами

Над темным клочком земли раскинулись деревья, похожие на размашистые письма, переплетаясь с бледным плющом и буйными цветами, что сворачивали головы-бутоны, когда мы проходили мимо.

– Сюда, – позвал Амар, раздвигая ветви.

Нас встретил фруктовый сад. Я засмотрелась на серебристые деревья, но Амар прошел мимо них прямо к рощице из пяти других. Первое сверкало изумрудной корой, второе – сапфировой, третье – рубиновой, четвертое – кварцевой, а пятое – жемчужной. Под темными ветвями искрились плоды.

– Выбирай, – сказал Амар, срывая блестящий сапфир.

Я вздрогнула, ожидая услышать хруст и лязг зубов о каменную кожуру. Но его зубы спокойно погрузились в мякоть сапфирового фрукта, по пальцам побежал сок. Все еще настороженная, я потянулась к жемчужному дереву и сорвала крупный плод со сферическими отметинами. Он казался таким легким, будто внутри был пустым. Я осторожно надкусила сверкающий бок. На вкус жемчужные плоды напоминали теплые каштаны, спелые груши и терпкий мед. Я со вздохом доела сердцевину и черешок и оглядела другие деревья.

Но только опять потянулась к жемчужному, как по пальцам с негодующим криком ударил пучок взъерошенных пе-

рьев. Я отскочила, и в тот же миг меня накрыла тень Амара, а его рука обхватила меня за талию.

– Это лишь чакары, – тихо произнес он у самой моей шеи, так близко, что ноздри затопил его запах – мяты и дыма, кардамона и древесины.

Амар шагнул к дереву и приподнял ветви, показывая четыре пары прищуренных оранжевых глаз.

– Довольно сварливые птицы. Уверены, что луна принадлежит им. Но как бы они ни ворчали – они безвредны. Не обо всех здешних обитателях можно такое сказать.

Я хотела взглянуть ему в лицо, но Амар быстро отошел, оставив позади себя темноту. В этих тенях не изгибались серебристые ветви. Заросли ежевики и лежащие на земле камни словно уклонялись, избегая этого недвусмысленного мрака. И неспроста. Плотный, непроглядный, липкий, он будто пожирал все, что попадалось на пути. Что-то покачивалось вдалеке, погружаясь в темноту. И как бы я ни желала убедить себя в обратном, эти силуэты, висящие под встревоженными деревьями, ужасно походили на... тела.

– Не всем нравятся границы между людскими царствами и Иномирьем.

– Почему?

Амар молчал, и я гадала, может, это опять власть Иномирья мешает ему ответить. Наконец он заговорил:

– Потому что не все чтят равновесие. Не все хотят быть только с той или с другой стороны. Некоторые жаждут хаоса.

Вдруг вспомнилась женщина в моей комнате, окружавшая ее тьма, что поглотила весь свет. В глубине разума вновь зазвучал ее голос: «Ты должна меня провести».

– Пора уходить, – вернул меня к реальности Амар.

Оставив за спиной сверкающие фрукты и зияющие тени, мы вернулись на бурлящий Ночной базар. К Амару тут же неуклюже подошел водяной буйвол и ткнулся носом в его ладонь.

– Готова? – спросил Амар.

Я в последний раз огляделась. Ночной базар меня пленил. Кожа пропиталась его ароматами – запахом историй и секретов, мелькающих зубов и вальяжных ухмылок. В этом краю я была не сильнее теленка в пасти льва, но мне все нравилось. И пусть я не могла признаться вслух, пусть убеждала себя, будто пошла с Амаром от безысходности, правда заключалась в том, что я этого хотела. Я жаждала вдохнуть пропитанный магией воздух под расколотым небом. И не просто жить в одном из диковинных королевств других миров, но править им. Не ответив, я просто влезла на спину буйвола. Амар склонил голову, и его губы вновь едва заметно дрогнули в улыбке. Зверь сорвался с места, и сердце мое тоже пустилось вскачь.

Мы мчались по тому же туннелю, что привел нас на Ночной базар, и я подалась вперед, сражаясь с суровым ветром. Когда он утих, я повернулась, ожидая увидеть призрачные огни расколотого неба, но позади лишь жилистая париджа-

та ¹⁷ цеплялась корнями за холм и пронзала высь редкими ветвями, точно железными прутьями.

— Добро пожаловать в Акаран, — объявил Амар, когда буйвол спустился с холма, и перед нами вырос дворец.

И это Акаран? После Ночного базара я представляла еще один бурлящий жизнью город, полный эфемерных иномирных созданий и удивительных торговых палаток. Но Акаран оказался пуст. Холм перетекал в огромную серую долину. Вокруг, насколько хватало глаз, не было ничего, кроме кустарников и камней. Я все оглядывалась, но пустота от этого становилась лишь осязаемей. Так много места...

Акаран был миром абсолютного одиночества. Путь к королевству Амара — раскинувшемуся дворцу со шпилями из слоновой кости и серебристыми арками — украшали изящные фонтаны и удивительной красоты статуи. По обе стороны от врат змеились сверкающие бассейны, окруженные каменными статуями и деревьями акации.

— Теперь все это твое так же, как мое, — сказал Амар.

«Мое?»

Я глубоко вздохнула и на мгновение закрыла глаза, успокаивая дрожь в пальцах. По дороге я то и дело косилась на Амара, ожидая, когда же он расскажет о богатстве своих земель и о роскоши дворца. Всякий раз, когда я тайком наблю-

---

¹⁷ Париджата — в индийской мифологии коралловое дерево, одно из райских древ, появившееся вместе с другими диковинами при пахтании богами мирового океана.

дала за встречей раджи с каким-нибудь чужеземным правителем, речи о полноте его сокровищницы, красоте его королевы и упитанности его скота звучали даже прежде его имени. Но Амар был другим. Для начала он представился, а о прочем и вовсе умолчал.

Как только мы въехали во двор, Амар спрыгнул с буйвола. Я тоже попыталась, но ноги не слушались. Амар осторожно помог мне спуститься и, прежде чем отступить, задержал руки на моей талии. Щекам стало жарко, и я обрадовалась, когда кто-то вышел из тени.

Нам поклонился гладко выбритый мужчина с похожим на луковицу носом. Его парчовый шервани на фоне черного одеяния Амара сверкал серебром и богатством. В руках незнакомец сжимал множество свитков, на пальцах виднелись чернильные пятна. Он напомнил мне усердных придворных архивистов. Я пригляделась повнимательнее в поисках какой-нибудь неизбежной странности. Что он скрывал? Хвост? Когтистые лапы?

Глаза его были устремлены в землю, и мужчина поднимал их медленно, будто сражался с необходимостью наконец на меня посмотреть. Когда же наши взгляды встретились, улыбка его дрогнула. Он задушенно вскрикнул, одновременно удивленно и неверяще. Я рискнула улыбнуться, но, похоже, только все усугубила. Мужчина тяжело сглотнул и отчаяннее вцепился в свитки.

– Позволь представить тебе Гупту, моего советника и до-

рогого друга.

Гупта откашлялся и вновь уставился в землю:

– Добро пожаловать в Акаран, рани ¹⁸.

«Рани», – мысленно повторила я. Я действительно стала королевой. Гупта говорил тихо, срываясь на нервное заикание. Таким же тоном Аджит обычно возражал радже. «Он считает, что мне здесь не место?» Шагнув вперед, Амар хлопнул советника по спине, и тот поднял лицо, полное неуверенности и изумления.

– Гупта незаменим для королевства.

– Не так, как другие. – Гупта покачнулся на пятках, избегая моего взгляда и рассматривая свитки в своих руках. – Прошу прощения, мне нужно кое-что уладить.

– Присоединяйся к нам за ужином. Прежде ты не стеснялся делить со мною пищу. – Амар улыбнулся и шутливо добавил: – Никто не осудит тебя за попытку упорядочить рисовые зерна в тарелке.

На лице советника мелькнула усмешка.

– Мне тоже есть что рассказать о вашем обращении с едой на тарелке. – Но затем он повернулся ко мне, и от улыбки не осталось и следа. Гупта покачал головой: – В другой раз, мой друг.

Все придворные архивисты Бхараты сочлись высокомерием, но хитрые ответы и прищуренные взгляды Гупты граничили с оскорблением. Я все-таки была принцессой, а не

---

¹⁸ Жена раджи, княгиня, королева.

найденным с обочины дороги. Когда наши глаза вновь встретились, я вскинула подбородок, чувствуя, как вспыхнули уши. И впервые Гупта широко ухмыльнулся.

– Надеюсь, вас не расстроит тишина в наших залах и коридорах, рани.

В памяти зазвенели скрестившиеся мечи и всплыли лица солдат с искривленными в крике ртами.

– Я пресытилась шумом.

Гупта склонил голову набок:

– Впрочем, может, теперь наши залы и не будут молчать.

Раджа очень долго вас ждал.

– Долго ждал возможности жениться? – нахмурилась я.

– Нет, именно вас. Буду рад завтра утром обсудить ваши обязанности, рани.

Он отвесил мне еще один поклон, кивнул Амару и скрылся за колонной. Амар со вздохом потер виски сквозь ткань капюшона – плащ он так и не снял.

– Гупта не привык к компании. Надеюсь, он тебя не обидел. Он может часами вести беседы о разумных подводных существах, но протокол и этикет ему не даются.

– Возможно, это к лучшему.

– Тебе нет дела до цветистых речей советников?

– Я им не доверяю. Опыт показал, что красивыми словами прикрывают дурные вести.

– Хорошо подмечено, – улыбнулся Амар. – Прошу, следуй за мной.

Он провел меня в огромный зал с низко висящими светильниками. Вдоль правой стены тянулись зеркала, вдоль левой – окна. За открытыми створками виднелась ночь во всей ее великолепии. Светильники окрашивали комнату в бледно-золотистый цвет. По центру, возле небольшого столика, заставленного тарелками с дымящимися рисовыми лепешками, маслянистыми кусочками наана ¹⁹

---

¹⁹ Наан – пшеничная лепешка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.